

ФИЛИПП ДЖЕНКИНС

ВОЙНЫ ЗА ИИСУСА

КАК
ЦЕРКОВЬ
РЕШАЛА,
ВО ЧТО
ВЕРИТЬ

«БЛЕСТЯЩИЙ
РАССКАЗ ОБ
УДИВИТЕЛЬНОЙ
ЭПОХЕ ВОЛНЕНИЙ
И ИНТРИГ».

PUBLISHERS
WEEKLY

Филипп Дженкинс
Войны за Иисуса: Как церковь
решала, во что верить
Серия «Религия. Война за Бога»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3523805
*Войны за Иисуса: Как церковь решала, во что верить / Филипп Дженкинс ; [пер. с англ.
М. И. Завалова].: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-54919-1*

Аннотация

Захватывающая история интриг, заговоров, разборок, насилия и хаоса в древней церкви. Победители в войнах за Иисуса решили, во что и как будут верить все христиане, а проигравшие были заклеены как еретики, прокляты, уничтожены и забыты. Первая популярная книга о самой темной и загадочной эпохе в истории христианства от всемирно известного специалиста.

Содержание

От автора	4
Введение	5
За кого вы почитаете меня?	5
0. Термины и определения	11
1. Суть дела	13
Битвы за Иисуса	14
Что, если Бог был одним из нас?	16
Живой Христос	18
Утрата половины мира	20
Назад, в катакомбы	21
Завоевание новых миров	22
Воображаемая альтернатива	23
Какой властью?	25
Церковный разум	26
Вера и насилие	29
Монополия на насилие	30
Христианство и ислам	32
Приложение к главе 1	35
1. Бог и кесарь	37
2. Война двух природ	37
Попытки понять Христа: 30—300 годы	38
Бог и человек?	38
Две природы? Приемный сын	39
Одна природа? Ничего, кроме Бога во Христе	41
Стремление сохранить человеческую сторону Христа	42
Четвертый век	43
Новые битвы Никеи	43
Аполлинарий	45
Новый словарь богословия	46
Война за Иисуса объявлена: V век	48
Александрия	48
Антиохия	49
Лозунги и стереотипы	51
Приложение к главе 2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Филипп Дженкинс

Войны за Иисуса: Как церковь решала, во что верить

От автора

Я хочу поблагодарить всех моих друзей и коллег из Института изучения религии Бейлорского университета за их помощь и поддержку – особенно Байрона Джонсона, Томми Кидда и Родни Старка.

Я также благодарен людям из Пенсильванского университета: Кристиану Брэди, Баруху Хальперну, Полу Харви, Кит Хьюм, Гари Кнопперсу и Джорджу Реберу.

Я приношу благодарность моему редактору Роджеру Фриту и моему литературному агенту Элайс Чини.

И больше всего я благодарен моей жене Лиз Дженкинс.

Введение

За кого вы почитаете меня?

Однажды Иисус спросил своих учеников: «За кого почитают меня люди?» Те ответили, что об их учителе ходят самые разные слухи: что он пророк, возможно, вернувшийся на землю Илия или Иоанн Креститель. «А вы, – спросил Иисус, – за кого меня почитаете?» (Мф 16:13–15.) На протяжении двух тысячелетий христиане давали разные ответы на этот вопрос. Разумеется, большинство верило в то, что Иисус был человеком, но в то же время Богом, одним из трех лиц Троицы. Он был и Богом, и человеком.

Но такая формулировка порождает больше новых вопросов, чем ответов, поскольку такая «простая» вера в Иисуса Христа вынуждает нас соединять две радикально различные категории бытия. Подобное нарушение границ озадачивает и возмущает верующих нехристиан. Особенно таких строгих монотеистов, как мусульмане и иудеи. И даже сами христиане, которые разделяют эту веру, зачастую не могут ее объяснить с той ясностью, на которой настаивали древние соборы церкви. По тем жестким стандартам буквально всех современных людей (включая многих священнослужителей) за исключением отдельных специалистов можно было бы обвинить в серьезной ереси¹.

Библия не слишком ясно отвечает на вопрос о том, каково соотношение между человеческой и божественной природами во Христе, и различные тексты Писания на эту тему довольно трудно примирить между собой. В Новом Завете Иисус открыто отождествляет себя с Богом: «Я и Отец одно» (Ин 10:29–30), – заявляет он. «Видевший Меня видел Отца» (Ин 14:8–9). В Евангелии от Иоанна Иисус говорит народу: «Вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира» (Ин 8:23). «Прежде нежели был Авраам, – продолжает он, – Я есмь» (Ин 8:58). Слушатели возмущены – и не только потому, что Иисус хвалится тем, что жил еще в глубокой древности. Слова «Я есмь» – *ego eimi* по-гречески – напоминают о том, что Бог сказал Моисею при неопалимой купине. Лучше было бы передать их так: Я ЕСМЬ. Похоже, Иисус этим и утверждает, что он есть вечный Бог, выведший Израиль из Египта и даже сотворивший этот мир. Неудивительно, что толпа захотела побить Иисуса камнями за богохульство. Таким образом, позднейшие читатели Евангелий должны были привыкнуть к той мысли, что Иисус и Отец одно.

Но если мы, готовые принять эти удивительные утверждения, продолжим читать Евангелие, мы увидим, что Иисус отделяет себя от Отца: «Отец Мой более Меня» (Ин 14:28), – говорит он. Когда Иисус предсказывает конец мира, он добавляет, что точный срок события не известен ни Сыну, ни ангелам, но его знает только Отец (см. Мк 13:32). Если Сын знает меньше, чем Отец, значит, между ними есть отличие.

Что мы имеем в виду, когда говорим: «Христос был одновременно и Богом, и человеком»? Евангелия, несомненно, показывают, что Иисус был человеком: он истекает кровью, он любит и гневается, он умирает в драматичной агонии. Но как нам примирить этот факт с доктриной Воплощения? В самом начале Евангелия от Иоанна Христос отождествлен с Логосом – с Божиим Разумом и его творящим мир Словом:

¹ Frances M. Young, «Monotheism and Christology», in Margaret M. Mitchell and Frances M. Young, eds., *The Cambridge History of Christianity: Origins to Constantine* (New York: Cambridge Univ. Press, 2006), 452–469; Brian E. Daley, «Christ and Christologies», in Susan Ashbrook Harvey and David Hunter, eds., *The Oxford Handbook of Early Christian Studies* (New York: Oxford Univ. Press, 2008), 886–905.

В начале было Слово [*Logos*], и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога... И Слово стало плотью, и обитало с нами (см. Ин 1:1–14).

Слово стало плотью, Бог стал человеком. Но какова связь между этим Словом и человеком по имени Иисус? Что означают эти слова Послания к Колоссянам: во Христе «обитает вся полнота Божества телесно» (Кол 2:9)?

Мы все время сталкиваемся с проблемами и парадоксами. Когда Иисус приходит в Вифанию, где умер его друг Лазарь, он печалится: евангелист говорит, что он «восскорбел духом и возмутился» (см. Ин 11:31–36). Иисуса одолевает чисто человеческая скорбь; далее в одном из самых известных библейских стихов говорится: «Иисус прослезился» (Ин 11:35). Между прочим, об этом рассказывает Евангелие от Иоанна – то самое, где Иисус шокирует читателя выражением «Я ЕСМЬ». Стоит задуматься над этим. Иисус плакал, это был плач Христа, Помазанника, – нужно ли нам верить в то, что Бог, Творец и Источник всякого бытия, действительно плакал? И еще удивительнее другой вопрос: как Христос мог пострадать на кресте? Значит ли это, что *Бог* действительно умер? И мы не вправе сказать, что подобные парадоксы придумали богословы, уже лишенные «простой веры» (как принято думать) апостольского века. Уже в 110 году, когда Новый Завет еще не был окончательно завершен, великий мученик епископ Игнатий Антиохийский провозгласил, что Христос есть «Бог, пришедший во плоти». Игнатий говорил, что сердца верующих воспламенены «кровью Бога». Одно дело – Бог, который плачет, но как может Бог *истекать кровью*? Даже верные католики, которые называют причастие *Corpus Christi*, Телом Христовым, не дерзают при этом называть облатку «Телом Бога». Бог отличается от Христа².

На протяжении первых четырех веков существования христианства верующие пытались самыми разными способами разрешить эти проблемы толкования Писания и проблемы логики. Самые выдающиеся богословы и ученые разных церквей проставляли разные акценты, размышляя о человеческой и божественной природах Иисуса, при этом они могли – не пользуясь хитроумными уловками или манипуляциями с цитатами – найти библейские тексты, которые подкрепляли их мнения³. Иные христиане первых веков полагали, что божественная природа Христа затмевала собой человеческую. Для них Христос был явлением Бога, ходящего по земле, который облекся в образ человека так, как если бы он надел маскарадный костюм. Слово надело на себя плоть, как мы можем надеть на себя куртку. Но что в этом случае означают страдания Христа, его слезы и кровь – неужели это просто притворство или иллюзия? Другие видели в Иисусе великого человека, переполненного сознанием Бога. На него сошел Дух Божий – вероятнее всего, это произошло в момент крещения в Иордане, – однако две природы Христа всегда существовали отдельно одна от другой. Это означало, что Христос всегда оставался человеком. Одни христиане думали, что две природы были нераздельно соединены в вечности; другие считали, что между ними существовала лишь временная и частичная связь.

Так кем же был Иисус – Богом, носящим образ человека, или человеком, носящим в себе Бога? Это только лишь два полюса картины, между которыми можно расположить множество самых разных мнений. И такие мнения вели жаркую борьбу между собой на протяжении нескольких первых веков существования христианства. К 400 году большинство христиан согласно считало, что Иисус Христос обладал божественными свойствами и что он обладал и человеческой природой (*physis* по-гречески), и природой божественной. Но это представление оставляло простор для самых разных интерпретаций, и при другом ходе исторических событий – если бы Вселенские соборы вынесли иное решение – ортодоксией

² О крови Бога см. Игнатий, Ефессянам 1:1 у Bart Ehrman, ed. and trans., *The Apostolic Fathers* (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2003), 1:219; Allen Brent, *Ignatius of Antioch* (London: T & T Clark, 2007).

³ Alois Grillmeier, *Christ in Christian Tradition*, vol. 1., *From the Apostolic Age to Chalcedon (451)*, rev. ed., trans. John Bowden (Louisville, KY: Westminster John Knox, 1975).

могло бы стать любое из этих мнений. Тогдашняя эпоха с ее культурной и политической жизнью со всей возможной силой поддерживала представление о Христе как Боге, так что было очень непросто сохранить идею об Иисусе как человеке. Однако главные силы ортодоксии горячо отстаивали представление о том, что Христос был в полной мере человеком, – и с исторической точки зрения этот факт крайне показателен.

Так кем же был Иисус – Богом, носящим образ **человека, или человеком, носящим в себе Бога?** Это только лишь **два полюса картины, между** которыми можно **расположить множество** самых разных мнений

Победило именно такое мнение. Когда нынешние церкви говорят о своем понимании идентичности Христа – когда они раскрывают свою христологию, – как правило, они опираются на корпус готовых интерпретаций, на древние тексты, созданные в V веке. На Великом соборе, прошедшем в 451 году в Халкидоне (недалеко от нынешнего Стамбула), церковь сформулировала положения, которые в итоге стали официальным богословием Римской империи. Собор принял мнение о том, что во Христе есть две природы, соединенные в одном лице. Эти две природы существуют «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно; так что соединением нисколько не нарушается различие двух природ, но тем более сохраняется свойство каждой природы и соединяется в одном Лице»⁴.

Мы не можем говорить о Христе, не упоминая о его полноценной человеческой природе, которую нисколько не умаляло и не упраздняло божественное в нем. *Халкидонская* формулировка сегодня остается официальным исповеданием большинства самых разных христианских церквей – исповеданием протестантов, католиков или православных, – хотя трудно судить о том, многие ли из этих христиан могут объяснить ее смысл. Как бы там ни было, Халкидон положил конец любым спорам об идентичности Христа, и после него любой неоднозначный текст Библии или ранней традиции следовало понимать в свете этой сильной формулировки. На протяжении более пятнадцати веков Халкидон давал ответ на великий вопрос, поставленный Иисусом.

Но Халкидон дал не единственное возможное решение вопроса, и нельзя назвать это решение очевидным или логичным. Только политическая победа сторонников Халкидона придала идеям собора особый статус, в силу которого все последующие поколения христиан толковали весть христианства исключительно в их свете. В Новом Завете можно найти самые разные типы христологии, которые создавали церкви, стоявшие близко ко временам Иисуса и к миру его мышления. В частности, несложно найти отрывки, которые предполагают, что человек Иисус обрел божественность в определенный момент своей жизни или даже после земной смерти.

Самыми в политическом смысле сильными оппонентами Халкидона были христиане, говорившие о единственной божественной природе Христа, которых мы называем *монофизитами* – от греческого выражения «одна природа». Их было много, они пользовались влиянием, более того, именно они господствовали в христианском мире и Римской империи на протяжении многих лет после Халкидонского собора и были побеждены лишь после нескольких десятилетий кровавых сражений. На протяжении веков после Халкидона монофизиты продолжали господствовать в тех местах, где ранее всего возникло христианство, – в Сирии, в Палестине и в Египте. Члены самых древних церквей, которые глубоко и самым непосредственным образом были связаны с апостольским веком, увидели, что их особое понимание Христа отвергли как ересь. Почетное происхождение ничего не значило в этих спорах.

⁴ Jaroslav Pelikan and Valerie Hotchkiss, eds., *Creeeds and Confessions of Faith in the Christian Tradition*, 4 vols. (New Haven: Yale Univ. Press, 2003); Richard Price and Mary Whitby, eds., *Chalcedon in Context* (Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2009).

Обе стороны, когда им давалась такая возможность, устраивали гонения на своих противников, в результате чего погибли как минимум десятки тысяч человек. Верующие были готовы убивать и умирать, становиться гонителями или мучениками за природу Христа. Современные христиане не склонны сочувствовать участникам этих древних религиозных войн. Неужели этот вопрос стоил того, чтобы проливать за него кровь? Люди того времени не мучились подобными сомнениями, их глубоко заботило то, как верующие должны понимать Христа, которому они поклоняются. Неправильное понимание природы Христа сводило на нет все самое ценное для христиан: смысл спасения и искупления, характер богослужения и Евхаристии, образ Девы Марии. Каждая сторона верила, что она обладает абсолютной истиной, без веры в которую невозможно спасение.

* * *

Мы слышим ужасные истории о насилии христиан в других сферах, в первую очередь истории о Крестовых походах и инквизиции; однако насилие внутри христианского мира по поводу споров V и VI веков имело куда более масштабный и систематичный характер, чем любые деяния инквизиции, и оно возникло куда раньше по ходу истории церкви. Когда Эдуард Гиббон писал свой классический труд – «Историю упадка и разрушения Римской империи», – он собрал там множество примеров насилия и фанатизма христиан. Вот что он писал об эпохе, последовавшей за Халкидоном:

Иерусалим заняла армия монахов [монофизитов]; во имя единой воплощенной Природы они грабили, жгли и убивали; гробница Христа была осквернена кровью... За три дня до праздника Пасхи [александрийский] патриарх был окружен в соборе и убит в баптистерии. Его изуродованное тело предали огню, а пепел развеяли по ветру; уверяли, что верующих на этот поступок подвигло явление ангела... Подобные кровавые суеверия у обеих сторон воспламеняли принцип и практика воздаяния; в метафизических спорах гибли тысячи людей⁵.

Мы слышим ужасные истории о насилии христиан в других **сферах**, **в первую очередь истории** о Крестовых походах и инквизиции; однако **насилие внутри христианского мира** по поводу споров **V и VI веков** имело **куда более** масштабный и систематичный характер, чем любые деяния инквизиции, **и оно возникло куда раньше** по ходу истории церкви

Сторонники Халкидона вели себя не лучше в борьбе за свое понимание ортодоксии. В восточном городе Амида халкидонский епископ яростно преследовал противников вплоть до сожжения их живьем. Он придумал дьявольский метод: поселял прокаженных «с разлагающимися руками, покрытыми кровью и гноем» вместе с монофизитами, пока последние не образуются⁶.

Сама Евхаристия стала важным средством религиозного террора. На протяжении эпохи религиозных войн кто-то регулярно (и часто) отлучал других от церкви и предавал их анафеме, а из этого следовало, что отлученных не допускали к причастию. В отдельных случаях причастие давали, используя физическую силу, так что Евхаристия, основанная на идеях о самоотдаче и самопожертвовании, становилась орудием угнетения. Историк VI века рассказывает о том, как силы константинопольского патриарха, сторонника Халкидона, пытались искоренить очаги монофизитства в столице. Клирики патриарха с запасами освященного хлеба были вооружены и опасны. Они «выволакивали [монахинь] и застав-

⁵ Edward Gibbon, *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire* (London: Henry G. Bohn, 1854), 5:235.

⁶ Witold Witakowski, trans., *The Chronicle of Pseudo-Dionysius of Tell-Mahre* (Liverpool: Liverpool Univ. Press, 1996), 35–36.

ляли их силой принимать причастие из своих рук. А те разбегались, подобно птичкам перед ястребом, забивались в угол и, завернувшись в покрывала, говорили: «Мы не можем иметь общение с Халкидоном, разделившим Христа, Бога нашего, на две природы вместо соединения и учащим о Четверице вместо Святой Троицы». Но их протесты ничего не значили. «Их силой подводили к причастию; когда они воздевали руки над головой, несмотря на их крик, руки им связывали и их тащили, несмотря на причитания, рыдания, громкие крики и попытки вырваться. И затем одним из них вкладывали в рот причастие, несмотря на их вопли, тогда как другие падали лицом на землю и проклинали тех, кто заставляет их причащаться силой»⁷. Они принимали Евхаристию в буквальном смысле с криком и дракой – но считалось, что после такого причащения они вступали в общение с Халкидоном и церковью, проповедующей это учение.

Религиозная карта нашего мира во многом была создана под влиянием спора о природе Христа. Первенствующая церковь сохранила веру в то, что Христос был в полной мере человеком, ценой потери половины мира

Битвы за понимание природы Христа отнюдь не ограничивались пределами церкви, ужасные гражданские войны продолжались и спустя двести лет после Халкидона. Этот вопрос казался столь важным, столь существенным для веры и будущего христиан, что бойцы с обеих сторон были готовы вносить разделения, подрывавшие силу церкви и империи, и создавать угрозу революций и гражданских войн. В итоге эти раздоры подорвали власть Рима в восточном мире, способствовали подъему ислама и уничтожению христианства во многих частях Азии и Африки. Среди победителей в этом конфликте оказался не только ислам, но и христианство Европы – точнее сказать, в результате Европа стала бастионом христианства. Таким образом, религиозная карта нашего мира во многом была создана под влиянием спора о природе Христа. Первенствующая церковь сохранила веру в то, что Христос был в полной мере человеком, – но ценой потери половины мира.

Религия строила политический мир, но и политика, в свою очередь, влияла на характер религии. Когда мы рассматриваем основные элементы того, что стало ортодоксальным учением церкви, мы видим, что многие ключевые представления обрели свой особый статус в силу тех или иных исторических событий, то есть по воле случая. Исход споров V и VI веков определяли не чисто религиозные вещи, но достаточно внешние факторы. Нельзя сказать, что одна из сторон нашла более весомые аргументы или глубже проникла в суть Писания и тексты отцов: обе они умело отстаивали свои позиции. Обе стороны могли указать на героических подвижников или явных святых в своей среде. Но куда более важную роль здесь имели интересы и склонности враждующих императоров и императриц, позиции соревнующихся между собой князей церкви и их сторонников, а также военные успехи и неудачи империи в борьбе с варварами. Если несколько упростить картину, можно сказать так: судьба доктрины церкви зависела от того, как империя сражалась с Аттилой, предводителем гуннов.

В долговременной перспективе исход христологического спора зависел лишь от одного: от того, какая сторона займет господствующее положение в христианской Римской империи, так что ее мнение будет признано ортодоксальным. А это политический предмет, на который влияли случайности географии и военные успехи. Из того, что такое-то мнение признано ортодоксальным, не следует, что оно изначально и неизбежно должно было таким стать: церковь Римской империи оказалась правой в силу того, что она выжила. А все это чистая случайность, прихоть судьбы – конечно, мы можем думать иначе, если в соответ-

⁷ Цитируется по: R. Payne Smith, ed., *The Third Part of the Ecclesiastical History of John Bishop of Ephesus* (Oxford: Oxford Univ. Press, 1860), 7–8.

ствии с традицией, общей для христиан, иудеев и мусульман, видим Божью руку в как будто бы хаотичных событиях мировой истории.

Хотя эти споры могут показаться нам чем-то давно устаревшим, в них звучали важнейшие темы, которые волновали христианский мир и позднее: при возникновении Реформации, в конфликте между верой и наукой Викторианской эпохи, – и продолжают его волновать и в наши дни. На Великих соборах, включая Халкидон, обсуждались такие ключевые вопросы, как власть в религии, отношения между церковью и государством, методы понимания и толкования Писания, этика и поведение христиан и средства спасения.

Древние войны за Иисуса касались четырех важнейших вопросов, которые в той или иной мере окрасили собой все последующие споры между христианами. Это, в первую очередь, с виду простой вопрос, заданный Иисусом: «За кого вы меня почитаете?» А он лежит в основании трех последующих вопросов: «Что такое церковь?», «Какой властью вы это делаете?» И что мне делать, чтобы спастись? Эти споры о природе Христа, возможно, глубже касаются самых основ христианской веры и практики, чем какие-либо последующие споры.

0. Термины и определения

Рассматривая споры, которые раздирали христианский мир в V веке, нам надо с самого начала познакомиться с важнейшими терминами – и я должен объяснить, почему ими стоит пользоваться осторожно.

Главным образом речь здесь идет о *монофизитстве*, которое противостояло тому, что стало официальным богословием Римской империи, однако этот термин ставит перед нами некоторые проблемы. Среди противников Халкидона были подлинные монофизиты, которые верили в то, что Христос обладает одной божественной природой, но были и другие оппоненты, занимавшие более умеренную позицию. Они тоже считали, что воплотившийся Христос обладает одной природой, но думали, что эта природа включает в себя и божественный, и человеческий компоненты. Эту группу людей правильнее называть *миафизитами*, и некогда их взгляды были широко распространены. Сегодня миафизитство представляют большая Коптская церковь Египта и так называемые восточные православные церкви Сирии, Эфиопии и Армении. Эти церкви не считают себя монофизитскими, хотя большинство историков их так называют.

В формальном богословии халкидонцев и миафизитов существует немало общего, и нынешние представители обоих направлений признают, что многие их вероучительные положения совпадают. Но во времена неистовых религиозных баталий V и VI веков дело выглядело иначе: в те времена отличия смотрелись гораздо резче, а идеи чистого монофизитства встречались повсеместно. Ярлык «монофизитства» получил широкое распространение отчасти под влиянием риторики, поскольку тогда каждая сторона в спорах пыталась как можно ярче продемонстрировать нелепость и возмутительный характер мнений своих противников. Так, например, сегодня американские консерваторы могут называть либералов коммунистами, а либералы в свою очередь могут назвать своих врагов фашистами. В древности халкидонцы называли своих оппонентов из миафизитов обидным прозвищем «монофизиты», и это имя за ними закрепилось.

Даже историки, которые прекрасно разбираются в богословии, продолжают называть египетских, сирийских и прочих противников халкидонцев монофизитами, хотя они понимают, что данный термин далеко не точен. Великий историк У. Х. К. Френд, который глубоко разбирается в этой эпохе, опубликовал ценный труд под названием «Развитие монофизитства». В настоящей книге я стремился не употреблять термина *миафизит*, потому что он ничего не говорит тем, кто не занимается академическим богословием. Вслед за Френдом я буду пользоваться словом *монофизит*, в том числе говоря о церквях, возникших в VI веке. Но, как я уже говорил, я прекрасно понимаю несовершенство этого термина.

Попытка дать описание мнениям сторонников Халкидона также натывается на проблемы. Когда историки размышляют о той эпохе, они порой называют эти взгляды *ортодоксальными*, но этот термин отражает определенные тенденции. Буквальный смысл этого термина – «правильное учение», но, разумеется, каждый склонен думать, что его особое понимание самое верное. Мы называем эти мнения ортодоксальными главным образом в силу того, что их поддерживала церковь Рима и папы, а затем эта церковь пережила эпоху политических бедствий, которые потопили ранее великие центры веры, такие, как Антиохия и Александрия. В эпоху великих споров о природе Христа противники Халкидона также называли себя сторонниками ортодоксии, и при ином ходе событий они могли бы оказаться победителями. Каждый, хотя бы про себя, всегда считает себя «ортодоксом». Английский епископ Уильям Ворбартон честно объяснил это явление: ортодоксия – это мое понимание; гетеродоксия – это мнение другого человека.

Какой же термин нам подойдет? Слово *халкидонцы* указывает на определенное время; мы не можем называть так людей, которые придерживались этих взглядов до Халкидона. Поэтому, не без осторожности, я иногда буду пользоваться термином *ортодоксальный*, или *ортодоксально-кафолический*, как антитезой для прилагательного «монофизитский». Чтобы не перегружать мой текст утомительными кавычками или фразами вроде *так называемый*, я буду использовать эти термины без оговорок и уточнений, которые здесь были бы уместны.

Чтобы избежать лишних суждений «задним числом», в этой книге я буду говорить об *одной природе* и *двух природах* – эти термины у меня отражают общую религиозную позицию. Я надеюсь с их помощью показать, какое положение люди занимают в споре, не пытаясь при этом отнести их к какой-то определенной группировке или движению.

С конца V века в церкви Римской империи существовало пять **великих патриархов: Римский, Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский**

Хотя это менее важный вопрос, нам следует определиться с терминами для обозначения великих церквей, господствовавших в христианском мире, а также пап и патриархов, которые ими руководили. С древних времен лидеров церкви стали называть епископами, а некоторые из них носили более почетные титулы. Так, епископа Рима стали называть папой, хотя данный титул носили и некоторые другие епископы, в частности глава Александрийской церкви. В данной книге термином *papa* без уточнений я буду называть епископа Рима.

С конца V века в церкви Римской империи существовало пять великих патриархов: Римский, Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Формально эта структура получила признание в 451 году, тем не менее представление о великих престолах, обладающих патриаршей властью, восходит к концу IV века. Хотя это будет незначительным анахронизмом, иногда я буду называть *патриархом* епископа, облеченного соответствующей властью, даже если речь идет о времени, предшествовавшем формальному признанию данного титула.

Поскольку все события, о которых идет речь в данной книге, относятся к христианской эпохе, у меня не было нужды уточнять, когда они произошли: «до нашей эры» или после. Таким образом, я просто пишу «431 год», а не «431 год н. э.».

1. Суть дела

Пусть те, кто разделяют Христа, будут рассечены мечом, да разделят их на части, да сожгут их живьем!
Второй Эфесский собор, 449

В 449 году самые выдающиеся отцы христианской церкви собрались в Эфесе, городе в Малой Азии, чтобы обсудить насущные богословские проблемы. В критический момент залом овладела толпа монахов и солдат, которые заставили епископов подписать чистые листы бумаги, на которых позже победители поместили свои вероучительные положения. Этот документ содержал нападки против константинопольского патриарха Флавиана, одного из трех-четырех наиболее влиятельных священнослужителей христианского мира. Толпа монахов с криками «Убить его!» набросилась на Флавиана и так сильно его избила, что он скончался несколько дней спустя. Это было столь вопиющим насилием, что окончательные победители в споре объявили этот собор незаконным. Его назвали *Latrocinium* – «Разбойничьим собором»⁸.

Позднее в истории христиане не раз применяли насилие, особенно против иноверцев, но в данном случае противные стороны по многим пунктам были согласны между собой. Они читали то же Писание, придерживались одних и тех же представлений о церкви и иерархии и согласно верили, что Иисус Христос был воплощенным Богом, вторым лицом Святой Троицы. Но они яростно спорили о природе Христа. Враги Флавиана с их армией монахов верили в единую природу Христа, где преобладала божественная часть. Им казалось, что партия Флавиана, отвергшая эту истину и провозгласившая две природы, предала самую суть христианства. Они в буквальном смысле считали, что Флавиан разделил Христа на части⁹.

Современного человека ставит в тупик такая жестокость, вызванная, казалось бы, рядовым философским спором. Это спор, как кажется нам, о самых утонченных определениях – таких же причудливых, как знаменитый диспут о количестве ангелов, умещающихся на головке булавки. Что здесь могло вызвать столь отчаянную ненависть? Фактически за этим спором стоит один парадокс, стоящий в самом центре христианской веры. Христиане должны верить в то, что их Бог в полном смысле слова человек и в полном смысле божество, но при таком раскладе слишком легко поместить центр тяжести в одну или другую сторону. Либо мы считаем Христа только Богом, и тогда он уже лишен человеческих свойств, не причастен нашему человеческому опыту и становится божеством на небесах вроде Зевса или Тора; либо мы так сильно выделяем человеческую сторону, что отвергаем божественный элемент и ставим под сомнение воплощение. Мы также можем проповедовать Христа, обладавшего двумя природами и двумя сознаниями, в буквальном смысле нечто шизофренически расщепленное. Противники Флавиана – несправедливо и неверно – видели грех патриарха именно в этом, и их жестокость была реакцией на то, что он нанес великое оскорбление Сыну Божьему.

Жестокость, вызванную спорами о Христе, как и любые гонения и насильственные **обращения, оправдать невозможно**

⁸ Richard Price and Michael Gaddis, eds., *The Acts of the Council of Chalcedon* (Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2007), 2:156 for «Slaughter him!» For the «Gangster Synod», see William Bright, *The Age of the Fathers* (London: Longmans, Green, 1903), 2:479–494; John Chapman, «Robber Council of Ephesus», *Catholic Encyclopedia* (1909), vol.5., at <http://www.newadvent.org/cathen/05495a.htm>.

⁹ W. H. C. Frend, *The Rise of the Monophysite Movement* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1972); W. H. C. Frend. *The Rise of Christianity* (Philadelphia: Fortress, 1984).

Эту жестокость, как и любые гонения и насильственные обращения, оправдать невозможно. Но древние христиане правы в том, что страстно относились к этому вопросу, хотя они и применяли сомнительные средства. Главный предмет спора отнюдь не походил на философские тонкости, но речь шла о важнейшем вопросе для идентичности христианства и для развития веры на протяжении его дальнейшей истории. Споры о Христе имели и имеют последствия, причем они влияют не только на религию, но и на политику и культуру¹⁰.

Битвы за Иисуса

В первые века христианства существовала мощная тенденция делать Христа более божественным и небесным. Во всех религиях самые первые пророки и основатели оказываются на высоком пьедестале. Будда, обращаясь к ученикам с последними словами, велел своим последователям не полагаться ни на каких внешних спасителей, но через несколько веков Будда стал божественным существом из иного мира, так что его останки окружили почетом и чуть ли не поклонялись им как самостоятельной святыне. Перед христианами также постоянно стояло искушение превратить Христа в божественную личность, свободную от всего человеческого. Когда христианство становилось законной верой и господствующей религией в империи, верующие обычно начинали воображать себе небесного судью или правителя вселенной, всевластного *pantokrator*, который взирает на людей с купола грандиозной базилики, так что крайне трудно увидеть в нем что-либо человеческое.

В недавние годы слишком человеческие образы Христа воспламеняли ярость в тех, кому трудно себе представить, что он погружен в мирские заботы. В 1980 году образ Иисуса, имеющего жену и детей, вызвал обвинения в богохульстве в адрес фильма «Последнее искушение Христа». Многих людей исполняет негодованием сама мысль о том, что основоположник христианства мог испытывать человеческие страсти и слабости, сомневаться в своем призвании или мучительно думать о своей миссии. Человеческая сексуальность относится к тем вещам, которые никак невозможно соединить с чисто божественным существом. Христос ходит среди людей как некий божественный турист¹¹.

И тем не менее, на протяжении веков другие христиане боролись за то, чтобы сохранить человеческий лик Иисуса, и помещали его на поверхность земли и в среду людей. Отчасти это объясняется распространенной потребностью людей в доступном божестве, в том, кто понимает нашу жизнь и слышит наши молитвы. И даже там, где Христа помещали в недостижимую для людей сферу, появилась его замена в виде любящей Марии, девы и матери. Тем не менее образ Иисуса как человека ярко представлен в Новом Завете. Верующие никогда не могли забыть о жителе Галилеи, который страдал от физических мук, который знал сомнения и искушения, который стал братом и образцом для страдающих людей. Они знали, что Иисус плакал¹².

На протяжении двух тысячелетий христиане снова и снова пытались решить вечный конфликт между христологией сверху и христологией снизу, но именно во время соборов V века споры шли о самой сути христианства. В некоторые десятилетия той эпохи могло показаться, что церковь неизбежно откажется от веры в человеческую природу Христа и будет смотреть на него исключительно как на божественное существо¹³.

¹⁰ О стойких религиозных и культурных тенденциях той эпохи см. Peter Brown, *The Rise of Western Christendom*, rev. ed. (Oxford: Blackwell, 2003). Gerald O'Collins, *Christology* (New York: Oxford Univ. Press, 1995). Кроме того, работая над данной книгой, я пользовался Henry Chadwick, *The Church in Ancient Society* (New York: Oxford Univ. Press, 2001).

¹¹ Thomas R. Lindlof, *Hollywood Under Siege* (Univ. Press of Kentucky, 2008).

¹² Averil Cameron, «The Cult of the Virgin in Late Antiquity», in R. N. Swanson, ed., *The Church and Mary* (Woodbridge, UK: Boydell, 2004), 1—21; Miri Rubin, *Mother of God* (New Haven: Yale Univ. Press, 2009).

¹³ Stephen W. Need, *Truly Divine and Truly Human* (Peabody, MA: Hendrickson 2008).

Образ Иисуса как человека ярко представлен в Новом Завете

Если оставить в стороне детали, эта история достаточно проста. За всеми богословскими спорами стояла борьба между великими патриархатами – Александрийским и Антиохийским, – а Константинополь был здесь главным полем битвы. Антиохия подчеркивала реальность человеческой природы Христа; Александрия отвергала любые формулировки, которые отделяли человеческое от божественного. В 20-х годах V века монах Несторий, ставший архиепископом Константинополя, привез с собой сюда антиохийское учение, а за этим последовала катастрофа. На Первом Эфесском соборе 431 года Несторий был осужден за то, что учил доктрине двух природ, разделявших божественное и человеческое¹⁴. (См. приложение к данной главе «Великие соборы церкви».)

После низложения Нестория сторонники одной природы попытались с новой силой добиться признания своего учения при мощной поддержке со стороны александрийских патриархов. В 449 году партия единой природы совершила «военный переворот» на Втором Эфесском – «Разбойничьем» – соборе, провозгласив правоту своей доктрины, но порвав при этом отношения с римскими папами. На протяжении последующих двух лет партия ортодоксов-кафоликов удивительным образом укрепила свои позиции. Прежде всего, они объединились вокруг одного текста – послания папы Льва, которое носит название «Томос». Кульминацией их политического воскресения стал Халкидонский собор 451 года, который признал Томос как верное руководство по христологии. Постепенно – на это ушло около одного столетия – Халкидон стал краеугольным камнем ортодоксии империи¹⁵.

Несколько десятилетий спустя после собора один писатель латинского Запада суммировал выводы собора в виде серии богословских положений, снабдив их грозным заключением. Дав детальное описание эдиктов Халкидона, Афанасьевский символ веры (который на самом деле не имеет никакого отношения к почитаемому святому Афанасию) провозглашает: «Это – кафолическая вера. Тот, кто искренне и твердо не верует в это, не может обрести спасения». Здесь в буквальном смысле сказано следующее: твое вечное спасение зависит от точного исповедания правой веры – от тех определений, которые были предложены в 451 году¹⁶. (См. Таблицу 1.)

Таблица 1 Афанасьевский символ веры

...Кроме того, для вечного спасения необходимо твердо веровать в воплощение нашего Господа Иисуса Христа.

Ибо праведная вера заключается в том, что мы веруем и исповедуем нашего Господа Иисуса Христа Сыном Божиим, Богом и Человеком.

Богом от Сути Отца, порожденным прежде всех веков; и Человеком, от естества матери Своей рожденным в должное время.

Совершенным Богом и совершенным Человеком, обладающим разумною Душою и человеческим Телом.

¹⁴ Pauline Allen, «The Definition and Enforcement of Orthodoxy», in Averil Cameron, Bryan Ward-Perkins, and Michael Whitby, eds., *The Cambridge Ancient History: Late Antiquity and Successors a.d.425–600* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000), 811–834; Mark Edwards, «Synods and Councils», in Augustine Casiday and Frederick W. Norris, eds., *The Cambridge History of Christianity: Constantine to c.600* (New York: Cambridge Univ. Press, 2007), 367–385; and Karl-Heinz Uthemann, «History of Christology to the Seventh Century», in the same volume, 460–500.

¹⁵ Grillmeier, *Apostolic Age to Chalcedon*, 520–542; Robert Victor Sellers, *The Council of Chalcedon* (London: S. P. C. K., 1953); Price and Gaddis, eds., *Acts of the Council of Chalcedon*, 1:1–75. В 1951 году католическая церковь все еще считала собор достаточно важным, чтобы устроить торжества в честь его 1500-летия: Alois Grillmeier, ed., *Das Konzil von Chalkedon*, 3 vols. (Wrzburg, Germany: Echter-Verl, 1951).

¹⁶ J. N. D. Kelly, *The Athanasian Creed* (New York: Harper and Row, 1964).

Равным Отцу по Божественности и подчиненным Отцу по Своей человеческой сущности.

Который, хотя и является Богом и Человеком, при этом является не двумя, но единым Христом.

Единым не потому, что человеческая сущность превратилась в Бога.

Полностью Единым не потому, что сущности смешались, но по причине единства Ипостаси.

Ибо как разумная душа и плоть есть один человек, так же Бог и Человек есть один Христос...

Это – католическая вера. Тот, кто искренне и твердо не верует в это, не может обрести спасения.

ИСТОЧНИК: J. N. D. Kelly, *The Athanasian Creed* (New York: Harper and Row, 1964).

Таким образом, Первый Эфесский и Халкидонский соборы определили форму христианского богословия до нынешнего дня, заявив, что из правильного представления о Христе невозможно устранить ни божественный, ни человеческий аспекты. Христос не просто происходит из двух природ; он существовал в двух природах. Как писал папа Лев, быть голодным и жаждать, утомляться и спать – это явно человеческие проявления; но не менее очевидна божественность Христа, который мог напитать пять тысяч и ходить по воде или приказывал буре умолкнуть. Иисус как человек плакал о своем друге Лазаре, и здесь же божественный Христос произнес слова, которые воздвигли его друга из мертвых. Папа Лев заключает: «Ибо его человечество, которое меньше Отца, исходит от нашей стороны; его божество, которое равно Отцу, исходит от Отца». Мы уже настолько свыклись с победой Халкидона, что эти слова Томоса кажутся нам простым и даже утешительным выражением христианской веры. Тем не менее, Томос, хотя его автор искал верные и уравновешенные формулировки, вызвал гневные протесты в старейших центрах христианской веры¹⁷.

Что, если Бог был одним из нас?

Битва вокруг вопроса о природах окрашивает наши основополагающие представления о мире. Тот, кто считает Христа исключительно божественным, не склонен замечать ничего доброго в материальном мире и обычно противопоставляет абсолютно благой духовный мир до конца испорченному материальному творению. Тот же, кто верит в Христа как человека, в большей мере готов увидеть потенциальную благодать материального мира. Хотя (понимает он) этот мир глубоко погряз в грехе, он по крайней мере доступен искуплению. Вера в воплощение ведет к пониманию sacramentalного. По мнению папы Льва, отрицание двух природ влечет за собой еще более серьезные богословские заблуждения: «их слепота погружает их в такую бездну, что для них лишаются основы и Страсти Господа, и его воскресение. Обе эти вещи в Спасителе ставятся под сомнение, если мы не верим в то, что он обладал нашей плотской природой». Материальные действия ведут к искуплению материального мира¹⁸.

В итоге в центре споров V века стояло искупление, и христианство, лишенное этой идеи, развивалось бы совершенно по-другому. Христиане уже давно размышляли о смысле

¹⁷ Цитаты из Льва Великого, «Letters and Sermons», in Philip Schaff and H. Wace, eds. *A Select Library of Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian Church* (New York: Christian Literature Company, 1895), series 2, vol.12, 39–43; p.41; о Лазаре: Alois Grillmeier, *Christ in Christian Tradition*, vol.2, *From the Council of Chalcedon (451) to Gregory the Great (590–604)* (London: Mowbray, 1996); Bernard Green, *The Soteriology of Leo the Great* (New York: Oxford Univ. Press, 2008).

¹⁸ Видоизмененная цитата из Льва Великого по «Letters and Sermons», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 58.

смерти Христа, и, даже если церкви понимали его по-разному, большинство из них сходилось на том, что Христос был причастен человеческой природе и это позволило ему через свою жертвенную смерть искупить человечество. Доктрина искупления имеет какой-то смысл лишь в том случае, если Христос был в полной мере человеком, то есть обладал телом из плоти, а кроме того, имел волю и ум человека. Как писал отец церкви Григорий Назианзин, «если кто-либо верит во Христа как человека без человеческого ума, таковой сам лишен ума и недостоин спасения. Ибо того, чем Христос не обладает, он и не исцелил»¹⁹.

Однако именно такая причастность Христа к человечеству смущала тех, кто верил в одну природу. Если Христос не был в полном смысле божественным, говорили они, его смерть не могла нас спасти. Более того, Христос пришел, чтобы дать нам не только спасение, но и обожение – это представление до сих пор важно для некоторых восточных церквей, включая православную. Как заявил в IV веке великий александрийский епископ Афанасий, Сын Божий стал человеком, чтобы мы могли стать Богом, и только во всей полноте божественный Христос мог передать своим последователям эту божественность. Это было удивительным обетованием²⁰.

От понимания человеческой природы Христа зависят и те нравственные уроки, которые верующие черпают из его жизни и смерти. На одном полюсе стояли такие сторонники единой природы, как Аполлинарий, который видел в Христе нечто вроде автомата, которым сверху управлял Логос: такой Христос не мог бы по-настоящему подвергаться искушениям, не мог мучиться нравственными дилеммами или преодолевать соблазны, толкающие на зло. *Разумеется*, Аполлинарий предполагал, что Бог способен противостоять искушению и греху, но что в этом ценного для нас? Если Аполлинарий прав, нам остается лишь поклоняться божественному непревзойденному герою, который пришел избавить нас от темных сил, держащих весь мир в плену. Однако подлинные сторонники двух природ, такие, как Павел Самосатский в III веке, учили совершенно иному. По их мнению, человек Иисус стал Христом, когда на него сошел Божий Дух, и следовательно, божественным он стал во многом благодаря чистоте и святости своей жизни. Павел учил, что обычные верующие могут и должны подражать Иисусу²¹.

От понимания человеческой природы Христа зависят нравственные уроки, **которые верующие черпают из его жизни и смерти**

Подобные этические соображения были чрезвычайно важны для богословов антиохийской школы, которые оказались в передних рядах бойцов, когда начались войны за Иисуса. Хотя они отвергали грубые представления об отделении одной природы от другой, они отстаивали наличие человеческой воли во Христе. По их мнению, Христос активно сопротивлялся искушениям и стремился делать добро, а затем искупил грех и своей смертью, и примером своих добрых дел. Тем самым он показал обычным людям путь ко спасению и дал человеческой природе потенциальную возможность возвыситься до уровня божественной. Используя название одной из самых известных христианских книг во всей истории, можно сказать, что «подражание Христу» не просто возможно, но и необходимо. Когда сегодня либеральные богословы заявляют, что слишком возвышенный образ Иисуса делает его этическое учение недостижимым, они воскрешают один из самых древних споров христианского мира²².

¹⁹ Цитируется по J. Stevenson, *Creeeds, Councils and Controversies* (London: S. P. C. K., 1966), 98. Donald Fairbairn, *Grace and Christology in the Early Church* (New York: Oxford Univ. Press, 2003).

²⁰ Norman Russell, *The Doctrine of Deification in the Greek Patristic Tradition*, rev. ed. (New York: Oxford Univ. Press, 2006).

²¹ Frend, *Rise of Christianity*.

²² Paul B. Clayton, *The Christology of Theodoret of Cyrus* (New York: Oxford Univ. Press, 2007). В качестве современного примера можно вспомнить о спорах вокруг богослова из иезуитов Иона Собрино, христологические представления кото-

Эти споры касаются не только богословия, но и того, что мы называем реальным миром, – хотя тогдашние богословы, несомненно, сказали бы, что этот термин указывает на небеса, а не на эту временную жизнь. Мысль о человеке по имени Иисус на протяжении всей истории Запада вдохновляла людей на подражание ему: это выражалось в общественной деятельности и политических реформах, не говоря уже о мистическом поиске и искусстве. В сравнительно недавние времена сторонники теологии освобождения заговорили о таком Иисусе, который действительно опустошил себя, отказавшись от божественных привилегий и почетного статуса, и ходил по земле как один из самых бедных и презираемых людей. Он одновременно и образец для бедняков, и их вождь в борьбе за справедливость. Как убедительно говорил Чарльз Шелдон в своем романе 1897 года «По его стопам», где говорилось о радикальной социальной реформе, христиане должны задавать себе такой вопрос: «Что бы сделал Иисус?» Конечно, бесчисленные провалы в истории христианства показывают, что верующие не всегда задавали себе этот вопрос или не всегда могли на него правильно ответить. Но стремление к этому никогда не умирало.

Можно вспомнить и о другом этическом вопросе: как мы судим о том, насколько весомы слова Христа, записанные в Новом Завете? Для простоты допустим, что Писание верно передает высказывания Иисуса, хотя, конечно, это, быть может, и не всегда верно. Когда Иисус рассказывает притчу или что-то утверждает, что мы слышим: слова, буквально и непосредственно исходящие от Бога, или мысли человека, на которые накладываются ограничения его времени и места? Возьмем конкретные примеры: если Иисус говорил с божественным авторитетом, верующим следует всерьез принять его слова о радикальном отличии света от тьмы, а также в буквальном смысле верить в дьявола и бесов. Признавая Христа человеком, верующий не обесценивает и не отвергает его учение, но ему приходится больше размышлять о том, какой авторитет несут данные слова и как их применить в современных условиях.

Божественный или богочеловеческий Христос? Чтобы лучше понять два этих подхода, стоит задаться вопросом: что именно боялась потерять каждая сторона в случае победы противников? У тех и других в самом центре веры стояла мысль об Эммануиле, о *Боге с нами*. И те и другие по-своему опасались такого богословия, которое бы закрывало перед людьми возможность получить доступ к полноте божественного, но у каждой стороны было свое решение этого вопроса. С точки зрения антиохийцев, вера в одну природу, которая делала Христа совершенно божественным, отделяла его от человечества и делала во всем непохожим на человека. Эта вера также приводила к ужасающе абсурдному выводу, что Бог Творец страдает и умирает, то есть, говоря богословским языком, «подвержен страстям». Сторонники же одной природы желали, чтобы ничто не ставило под сомнение характер тесной связи между Богом и человечеством. Эта связь должна быть полным соединением, а не частичным пересечением или случайным союзом. Они боялись, что чужое богословие ослабит образ Христа, сделает его чем-то меньшим, нежели явление Бога в нас. Обе стороны преследовали одну и ту же цель, но двигались к ней по совершенно разным дорогам²³.

Живой Христос

Сохранение веры в Христа как человека также не позволяло помещать божественное в некую чуждую нам и невообразимую сверхъестественную сферу. Если Христос был человеком по имени Иисус, значит, он родился в конкретное время в таком-то месте и был евреем.

рого навлекли на себя яростную критику со стороны Ватикана. См., например, его книгу Jon Sobrino, *Christology at the Crossroads* (Maryknoll, NY: Orbis Books, 1978).

²³ Brown, *Rise of Western Christendom*, 113–122. Jaroslav Pelikan, *Jesus through the Centuries* (New Haven: Yale Univ. Press, 1999).

Даже папа Лев, который с большим презрением относился к евреям и иудаизму, утверждал, что Иисус был стойко укоренен в своем еврейском наследии и в мире Ветхого Завета. Родословные, содержащиеся в Евангелиях, – перечень родителей и их потомков, над которым засыпает современный читатель, – однозначно указывают на то, что Иисус был человеком. Халкидон обрекает на неудачу любую попытку оторвать Иисуса от иудаизма.

Халкидон обрекает на неудачу любую попытку оторвать Иисуса от иудаизма

Подобным образом, у каждой стороны был свой подход к Библии. Александрийцы опирались на традицию греческой философии и использовали тексты Писания, чтобы проиллюстрировать свои выводы. Каждое слово и каждая строка Библии становилась аллегорией, передающей духовную истину, которая могла быть никак не связана с подлинными историческими событиями в Палестине I века. Несторий же, в духе Антиохии, читал текст Писания в свете исторических событий, а уже затем размышлял над его значением и истолкованием. Если читать Евангелия таким образом, трудно не увидеть в нем человеческого Христа, человека, который плакал. Халкидонские определения подтверждали, что библейская истина обладает скорее реальной, чем символической природой²⁴.

Не менее важную роль в этих спорах сыграло стремление сохранить женское лицо божественного. На фоне споров V века неожиданно сделался крайне популярным культ Девы Марии, и одновременно верующие стали утверждать, что она есть Матерь Бога в буквальном смысле слова. Язычники смеялись над этими явлениями, видя в них введение культа новой богини, но они возмутили также и многих христиан. Некоторые считали, что сама идея Матери Божией есть абсурд, – так, Несторий в изумлении спрашивал, действительно ли Бог присутствовал в мире в лице двухмесячного младенца, – другие же отвергали любую попытку поставить под сомнение божественность Христа на любом этапе его земной жизни. По крайней мере в этом вопросе сторонники одной природы целиком и полностью соглашались с ортодоксально-кафолической церковью, так что поклонение Марии получило повсеместное распространение. В почитании Матери Божией особенно выделялись египетские христиане, ее образ стал предметом великой традиции раннего изобразительного искусства, а коптская монофизитская церковь давно славилась своим особым любовным отношением к Марии²⁵.

Вера в Иисуса как человека также способствовала развитию и распространению христианского изобразительного искусства и тем самым повлияла на западную культуру. Мы с легкостью забываем о том, что эта традиция была чрезвычайно удивительным феноменом. Монотеистические религии нередко крайне подозрительно относятся к произведениям изобразительного искусства – будь то священные образы или изображения людей. Отчасти за этим стоит страх перед идолопоклонством, но эта тенденция также отражает нежелание пытаться изображать священное. Хотя такое отношение к изображениям не универсально – в какие-то исторические моменты благочестивые верующие как из мусульман, так и из иудеев изображали человеческие фигуры, – оно получило широкое распространение. Христианство, несомненно, могло бы пойти тем же путем, и в различные периоды его истории возникали иконоборческие движения, когда верующие уничтожали священные образы. Тем не менее христианское изобразительное искусство выжило и представило нам богатые образы человечности Христа – изображения ребенка и его матери, учителя и распятого страдальца.

²⁴ Clayton, *Christology of Theodoret of Cyrus*.

²⁵ Elizabeth S. Bolman, ed., *Monastic Visions* (New Haven: Yale Univ. Press, 2002); Robert S. Nelson and Kristen M. Collins, eds., *Holy Image, Hallowed Ground* (Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2006). For Christ as infant, see Evagrius, «History of the Church», in Edward Walford, ed., *A History of the Church* (London: Henry G. Bohn, 1854), 258; Nestorius, *The Bazaar of Heracleides*, ed., G. R. Driver and Leonard Hodgson (Oxford: Clarendon, 1925), 137–138.

Утрата половины мира

То, как христиане вспоминали об этих соборах, многое говорит нам о процессе создания христианской истории и по аналогии о процессе создания истории других великих феноменов и движений. Часто мы слышим жалобу на то, что историю пишут победители, но здесь ситуация еще хуже. Фактически историки описывают события с точки зрения тех, кто станет победителем позже, хотя в описываемый момент эта победа совершенно неочевидна. Именно это происходит тогда, когда мы воспринимаем Халкидон как окончательный триумф ортодоксии²⁶.

Обычно 451 год описывают как решительный прорыв, как критически важный переход от древнего периода возникновения веры к ее тысячелетней зрелости и Средневековью. Однако при этом забывают о примерно столетии после Халкидона, когда его сторонники вполне могли бы утратить господствующее положение. Между 451 и 540-ми годами халкидонцы и их противники набирали и теряли вес в глазах римской власти, и в отдельные десятилетия монофизиты брали под контроль не только империю, но и большинство епископских и патриарших кафедр. Хотя после 451 года халкидонское исповедание стало официальным символом веры империи, тем не менее на протяжении столетий во многих местах – в Египте, Сирии и Палестине – халкидонцы составляли в лучшем случае подозрительное меньшинство. Споры о природе (или природах) Христа все еще кипели и в 650, и в 800 годах. И во многих частях мира сокрушительную победу одержали противники Халкидона. И вопрос об исходе битвы все еще оставался нерешенным.

Несмотря на лозунги тогдашних богословов, Христа никто не разделял,
но вот христианский мир действительно разделился, причем необратимо

Несмотря на лозунги тогдашних богословов, Христа никто не разделял, но вот христианский мир действительно разделился, причем необратимо. Разделения между христианами не были совершенно новым явлением. По крайней мере с тех пор, как апостолы покинули Иерусалим, в любой момент истории, вероятно, существовали церкви, которые отказывались признавать верными какие-то соперничающие группы христиан. В середине IV века, возможно, половина всех христиан принадлежала к группе, которую великая церковь считала еретической или раскольнической, и при этом продолжали происходить новые разделения²⁷. С исторической точки зрения мир, разделенный на деноминации, для христианства скорее является закономерной нормой, чем исключением. Конфликты между церквями начнутся буквально с самого первого дня возникновения христианства.

Однако разделение христиан после Халкидона было беспрецедентным по своим масштабам. Устойчивое сопротивление официальной доктрине породило два массовых и крепких движения, которые партия победителей называла еретическими: несториан и монофизитов, – и наследники обоих движений существуют и в наши дни. С точки зрения исторической традиции и преемственности эти церкви имеют куда больше права претендовать на связь с истоками христианства – по своей географии, культуре и языку, не говоря уже об этнической принадлежности, – нежели новоявленные общины, которыми руководили Рим и Константинополь²⁸. На протяжении столетия со дней Халкидона христианский мир разделился на несколько великих церквей, каждая из которых была представлена на разных континентах: на ортодоксов-кафоликов, монофизитов, несториан и ариан. Хотя все эти церкви полно-

²⁶ Euan Cameron, *Interpreting Christian History* (Oxford: Blackwell, 2005).

²⁷ Ramsay MacMullen, *Christianizing the Roman Empire a.d.100–400* (New Haven: Yale Univ. Press, 1986), 93.

²⁸ Philip Jenkins, *The Lost History of Christianity* (San Francisco: Harper One, 2008).

стью соглашались одна с другой по важнейшим вопросам, каждая из них считала себя единственной истинной церковью, не признавала остальных и отказывала им в евхаристическом общении. Уже к 550 году христианский мир был так же сильно разделен, как и в позднейшей истории, когда уже существовали католические, протестантские и православные церкви.

Назад, в катакомбы

История несогласных восточных церквей может заставить нас пересмотреть наши привычные представления о политическом пути христианства. Согласно всем известному клише, христианство радикальным образом изменилось, когда заключило союз с Римской империей при Константине, так что в этой сделке с дьяволом церкви отреклись от своих принципов, чтобы получить взамен власть и богатство. Но на самом деле Халкидон вынудил важнейшее тогдашнее историческое ядро церкви отказаться от союза с Римом, так что оно скоро оказалось в оппозиции государству, что, вероятно, представляет собой естественную позицию христианства. После двух потрясений 431 и 451 годов на Востоке значительная часть самых ярких и образованных людей, носителей христианской мысли и культуры, в политическом смысле ушла в подполье.

Конфликты между церквями начинаются буквально с самого первого дня возникновения христианства

Можно показать это на примере Египта. Александрия – и лежащая за ней часть Египта – смело могла претендовать на ведущую роль в христианской жизни и мысли, поскольку она была центром интеллектуальной силы верующих и развития богословия. Было бы вполне справедливо написать историю первых пяти-шести столетий христианства таким образом, чтобы в центре ее оказался Египет. Христиане жили здесь с апостольских времен под враждебным давлением государства до IV века, когда их права начали уважать, а с 312 до 450 года они участвовали в управлении государством. Но на протяжении одного-двух последующих столетий монофизитское большинство сохраняло мирные отношения с римскими властями лишь периодически, и нередко имперские христианские силы подвергали их гонениям. Христиан из сторонников Халкидона презрительно называли «мелкитами», людьми императора, апостатами и приспособленцами. И хотя с VII века церкви в Египте жили мирно, это объясняется лишь тем, что в государстве властвовали мусульмане. В течение всех последних четырнадцати веков Коптскую церковь в Египте в лучшем случае только лишь неохотно терпели²⁹.

И хотя с VII века церкви в Египте жили мирно, это что в государстве тем, объясняется лишь властвовали мусульмане

На протяжении всей их долгой истории христиане в Египте пользовались благожелательным отношением власти лишь периодически, на краткие периоды; то же самое можно сказать о Сирии и о других древних центрах веры. С 542 по 578 год одним из величайших вождей монофизитов был Иаков Барадей, который получил свое прозвище из-за того, что он носил на себе грубые шкуры, чтобы избежать внимания имперских властителей, которые постоянно охотились за этим опасным раскольников. Мы бы не погрешили против правды, если бы прозвали его Иаковом Бродягой. Он не жил в епископских палатах, но постоянно скитался из города в город. Он перемещался из Египта в Персию и обратно,

²⁹ Eugène Hyvernat, «Coptic Persecutions», *Catholic Encyclopedia* (1911), vol.11, at <http://www.newadvent.org/cathen/11707a.htm>. Birger A. Pearson and James E. Goehring, eds., *The Roots of Egyptian Christianity* (Philadelphia: Fortress, 1986); Stephen J. Davis, *The Early Coptic Papacy* (Cairo: American Univ. in Cairo Press, 2005); Roger S. Bagnall, ed., *Egypt in the Byzantine World, 300–700* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007); James E. Goehring and Janet A. Timbie, eds., *The World of Early Egyptian Christianity* (Washington, DC: Catholic Univ. of America Press, 2007).

рукополагая епископов и священников для растущей подпольной церкви. Иными словами, по образу жизни он стоял куда ближе к первым апостолам, чем к средневековым прелатам, и существовало немало деятелей, подобных ему. Если судить по количеству, Иаков обратил в свою веру больше людей, чем Павел из Тарса, и действовал на более обширной территории. Сердце христианской веры никогда не покидало катакомбы или покидало их лишь на краткое время³⁰.

Сердце христианской веры никогда не покидало катакомбы или покидало **их лишь на краткое время. Обычные** христиане приходили в диссидентские церкви **не потому, что им так повелели**, но потому, что они **веровали**

Эта история многое нам говорит о природе христианской лояльности в эпоху после обращения Рима. Если твой император или царь считает себя христианином, стоит следовать его примеру хотя бы из чувства самосохранения, и потому нам не следует думать, что члены церкви обладали глубоким познанием своей новой веры. Но если сама церковь противостоит государству и подвергается гонениям, нет никакой выгоды в том, чтобы стать ее членом, – скорее наоборот. Зачем следовать за Иаковом Бродягой? Однако на протяжении многих веков после Константина на Ближнем Востоке люди приходили в эти диссидентские церкви по тем же самым причинам, по которым их предки приходили в общины христиан в первые века. Люди надеялись, что обретут здесь исцеление в этой жизни и спасение в жизни грядущей, они искали знамений и чудес, а аскетизм вождей этой церкви окружал их ореолом святости и харизматических даров. Обычные христиане приходили сюда не потому, что им так повелели, но потому, что они веровали.

Завоевание новых миров

Кризис V века повлиял не только на религиозную жизнь, но и на глобальную политическую историю. Халкидон укрепил власть и поднял престиж растущих частей церкви в новых, только что появившихся землях – грубо говоря, в Европе, – ценой отказа от старых центров христианства. Новый, только что появившийся мир христиан откололся от старого христианского мира, их разделило то, что критики считали сомнительным богословским новшеством. Современный исследователь может увидеть аналогичные процессы в нынешнем мире, где центр тяжести христианства перемещается из Европы и Северной Америки на Глобальный Юг.

Это изменение географии христианства неимоверно усилило власть и престиж римских пап и подавило развитие центров, обладавших таким же или более высоким статусом. Халкидон и его последствия освятили власть церкви Рима и низвергли ее потенциальных соперников, из которых на первом месте стояла церковь Александрии. Фактически именно Халкидон положил реальное начало средневековому папству.

Политическая победа веры, созданной в Риме, означала, что развивающееся христианство Европы будет существовать в тесной связи с Римской империей и с западными государствами, ставшими ее преемниками, а не вернется в катакомбы (как это сделал Восток). Вследствие этого в церквях Европы сохранялась идея христианской империи, тесного союза между церковью и государством. Поэтому эти церкви постоянно пытались воплотить в политической жизни идею Града Божьего. Мысль о христианской империи настолько глубоко проникла в душу западных людей, что когда настоящая Римская империя утратила свое вли-

³⁰ Frend, *Rise of the Monophysite Movement*; Brown, *Rise of Western Christendom*.

яние, папы создали новую структуру в виде империи франков Карла Великого. Последствия этого решения окрашивали жизнь Европы в течение тысячелетия³¹.

Разрыв отношений с древним христианством позволил внешним силам – сначала персам, а затем мусульманам – использовать разделения между христианами для своих целей. Без этого великого раскола невозможно было бы представить себе подъем ислама. Если бы не этот религиозный кризис, ислам не смог бы заполнить собой тот политический вакуум, который возник в VII веке, в империи, большинство восточных подданных которой – монофизиты и несториане – отвергли своих ортодоксально-кафолических императоров. Христианские диссиденты настолько глубоко были отчуждены от империи, что почти не были готовы сопротивляться мусульманским завоевателям, которые обещали (и демонстрировали это на практике) терпимое отношение к различным христианским сектам. На своих первых этапах эта новая религия обещала начисто приостановить исторический цикл насилия и гонений, который так сильно изуродовал жизнь христианства в поздней античности. Ислам нес с собой веротерпимость, мир и желанное отделение церкви от государства³².

Ислам нес христианским диссидентам веротерпимость, мир и
желанное **отделение церкви от государства**

Современный наблюдатель может увидеть в этой истории грозное предупреждение о тех опасностях, которые несет с собой смешение церкви и государства. Христиане могли наслаждаться взаимным миром только тогда, когда правительство не интересовалось созданием и введением религиозной ортодоксии и с одинаковым презрением относилось к различным соперничающим одна с другой церквям. Но оказалось, что свобода от контроля со стороны ортодоксальных христиан обошлась отколовшимся церквям слишком дорого. Вопреки ожиданиям новая мусульманская власть несла совершенно иные ценности и преследовала свои цели, которые она энергично осуществляла.

Хотя этот процесс занял не одно столетие, в итоге христианство стало увядать под властью ислама. Чтобы дать читателю представление о масштабе разрушения древних церквей, напомним, что в V веке происходила борьба за господство между престолами Рима, Александрии, Антиохии и Константинополя и что в этой борьбе были свои победители и побежденные. Однако сегодня последние три города находятся в странах, где господствуют мусульмане и традиции ислама, а христиане составляют скромное меньшинство. Сам Эфес ныне находится в восточной части мусульманской страны, которую мы называем Турцией, где христиан почти не осталось. Халкидон и его последствия настолько разделили христианский Восток, что его разрушение стало почти неизбежным³³.

Современные верующие могут вынести из этого исторического опыта самые разные уроки, которые, разумеется, не сводятся к примитивной мысли о мусульманской угрозе. Когда общины слишком глубоко погружаются в свои междоусобицы, они рискуют забыть о том, что у них общего, и не заметить более серьезной внешней угрозы по своей близорукости.

Воображаемая альтернатива

То, что в итоге было официально признано христианской ортодоксией, медленно и постепенно выковывалось в мучениях и иногда не без кровопролития. Это была череда схва-

³¹ Chris Wickham, *Framing the Early Middle Ages* (New York: Oxford Univ. Press, 2005); Chris Wickham, *The Inheritance of Rome* (London: Allen Lane, 2009); Julia M. H. Smith, *Europe after Rome* (New York: Oxford Univ. Press, 2005).

³² Brown, *Rise of Western Christendom*. Leslie Webster and Michelle Brown, eds., *The Transformation of the Roman World a.d. 400–900* (Berkeley: Univ. of California Press, 1997).

³³ Jenkins, *Lost History of Christianity*.

ток, заговоров и переворотов и иногда открытых боевых действий, занявшая не одно столетие. Нам несложно представить иной исход, в результате которого так называемые ортодоксы были бы объявлены еретиками, что повлияло бы на ход всей политической истории, не говоря уже о развитии христианского мышления и благочестия.

Мы даже могли бы сказать, что ход истории христианства зависел даже не от какого-то человека, но от одной определенной лошади – той, которая споткнулась в 450 году, что стало причиной смерти императора Феодосия II, поддерживавшего монофизитов. Он умер в сорок девять лет, то есть вполне мог бы управлять империей на протяжении последующих двух десятилетий. Это «мог бы» притягивает наше воображение, потому что, если бы он не погиб, история мира могла бы стать совершенно иной. Если бы Феодосий не погиб, не было бы и Халкидона, и в этом случае западная, европейская, кафолическая часть империи могла бы в течение последующего столетия оказаться отколовшейся. В то время казалось, что ход событий будет именно таковым³⁴.

Ход истории христианства зависел даже не от **какого-то человека, но**
от одной определенной лошади – той, **которая споткнулась в 450 году**

Мы можем себе вообразить альтернативную вселенную, где раскол между Римом и Востоком произошел не в XI, а в V веке и где папский Рим так и не смог восстановиться после череды набегов варваров. К 450 году большая часть бывшей западной империи оказалась бы под политической властью варварских военачальников, которые преимущественно исповедовали арианство, а не веру кафоликов. Институт папства мог бы пережить арианские гонения и культурное давление, а мог бы и исчезнуть. А тем временем на Востоке Римская империя, исповедующая монофизитство, получила бы прочнейшее основание в виде единого и верного восточного региона, простиравшегося от Египта до Кавказа, от Сирии до Балкан. Такой крепкий христианский мир дал бы могучий отпор только что появившимся на сцене мусульманским захватчикам и смог бы надежно охранять свои границы.

Позднейшие христианские богословы знали бы основные языки вероучения – греческий, коптский и сирийский, – и это дало бы им доступ к богатым сокровищам веры, сохранившимся на этих языках. В то же время латынь была бы понятна только горстке ученых, которые не поленились изучить этот маргинальный язык с его причудливым алфавитом. И только эти отважные специалисты могли бы вспомнить о таких незначимых героях христианской древности, как Блаженный Августин или Патрик. Зато каждый образованный человек смог бы назвать таких главных героев христианской истории, как Севир Антиохийский или авва Шенуда из Египта³⁵. Этот альтернативный мир считал бы решающим событием церковной истории не Халкидон, но Второй Эфесский собор (который мы сегодня называем «Разбойничьим» и считаем как бы небывшим). Там учение об одной природе восторжествовало над злостными заблуждениями диофизитов, еретиков, учивших о двух природах.

Если эта картина с легкостью могла бы стать реальностью, из этого следует, что споры середины V века следует считать критически важным моментом для всей истории христианства. В последнее время исследователи говорят о предшествовавшем этому Никейском соборе (325 год) как о критическом моменте, определившем ход христианства, который стал разграничительной линией между древним и средневековым христианством. На самом же деле борьба за определения основ веры растянулась на многие века и породила несколько иных Великих соборов, где в каждом случае события могли бы привести к иному исходу.

³⁴ Fergus Millar, *A Greek Roman Empire* (Berkeley: Univ. of California Press, 2006); Henry Chadwick, *East and West* (New York: Oxford Univ. Press, 2003).

³⁵ J. M. Wallace-Hadrill, *The Barbarian West, 400–1000* revised ed. (Oxford: Blackwell, 1996). For the prevailing languages of the fifth century, see Millar, *Greek Roman Empire*, 84–129.

Сегодня появилось также немало трудов, где церковная история представлена как постепенное движение к вере «не от мира сего», где Христос из пророка или пропитанного мистикой социального учителя превращается в небесного искупителя. Так, например, по мнению Элайн Пэджелс, этот процесс отражается в том, что на смену таинственному Евангелию Фомы пришел текст о воплощении евангелиста Иоанна («В начале было Слово»). Фома, полагает она, обращен к искателям и тем, кто интересуется мистическим, тогда как Иоанн пишет для благочестивых верующих, лишенных сомнений. Как думают некоторые исследователи, жесткий канон Нового Завета создавался из стремления поддержать это постепенное возвышение Иисуса до уровня божества. По их мнению, демократичное, эгалитарное и исполненное Духа движение Иисуса ранних времен выродилось в репрессивную католическую церковь Средних веков: Христос *pantokrator* заслонила человека Иисуса. Многие авторы видят в Никее трагическое завершение славной эпохи в истории христианства и начало мрачного периода³⁶.

В V и VI веках решался куда более мучительный вопрос: как сделать, чтобы Иисус не остался навсегда исключительно Богом. В этих спорах были потери: много жизней и по меньшей мере одна империя

Однако чем пристальнее мы вглядываемся в события двух столетий *после* Никее, тем больше сомнений у нас вызывают подобные мнения. Несомненно, Никейский собор IV века был тем моментом, «когда Иисус стал Богом» (по формулировке Ричарда Рубинштейна) – но не это было самым весомым событием в истории церкви. В V и VI веках решался куда более мучительный вопрос: как сделать, чтобы Иисус не остался навсегда исключительно Богом. В этих спорах были потери: много жизней и по меньшей мере одна империя³⁷.

Какой властью?

Войны за Иисуса красноречиво демонстрируют нам развитие христианства с течением времени и по аналогии говорят о том, как могут развиваться иные мировые религии при столкновении с новыми обстоятельствами. Многие поднятые там темы остаются актуальными всегда, не в последнюю очередь это касается вопроса о том, как церкви определяют приемлемые рамки христианского учения.

Допустим, среди христиан возникают разногласия о предметах, которые кажутся им существенными, – как они в этом случае должны решать, кто прав, то есть кто точнее отражает ум Бога? Как церковь созидает свое собственное слишком человеческое сознание? Общества меняются, меняются обстоятельства жизни и идеологии – особенно это касается вселенской церкви, куда входят люди разных культур и политических традиций и которая постоянно сталкивается с иными верами. Когда церковь живет в определенном обществе, она естественным образом склонна перенимать распространенные стандарты окружающих, касаются ли они пола и сексуальности, собственности и рабства, войны и мира, религиозной терпимости или фанатизма. В какой-то части мира христианство развивается под влиянием стандартов тогдашнего общества, а в это время верующие из других стран начинают опасаться, что это недопустимое искажение веры. С течением времени церкви разных народов и континентов неизбежно становятся все менее похожими одна на другую.

³⁶ James Carroll, *Constantine's Sword* (New York: Houghton Mifflin, 2001); Elaine Pagels, *Beyond Belief* (New York: Random House, 2003); Karen King, *What Is Gnosticism?* (Cambridge, MA: Belknap of Harvard Univ. Press, 2003); Bart D. Ehrman, *Lost Christianities* (New York: Oxford Univ. Press, 2003); David L. Dungan, *Constantine's Bible* (Minneapolis: Fortress, 2007). Подобную историю падения и заката рассказывают Rita Nakashima Brock and Rebecca Ann Parker, *Saving Paradise* (Boston: Beacon, 2008), хотя они считают, что переходный период начался гораздо позже.

³⁷ Richard E. Rubenstein, *When Jesus Became God* (New York: Harcourt Brace, 1999).

Каким же образом церковь добивается следования общим нормам – хотя бы в той степени, чтобы церкви одних регионов могли полностью признавать другие церкви? Этот вопрос постоянно звучит и сегодня в спорах о поле и сексуальности внутри разных деноминаций: и в англиканском сообществе, и среди католиков, лютеран, методистов и пресвитериан.

Современным людям, которые уже привыкли к многообразию религий и терпимости, стремление к общим нормам может показаться излишним. Сегодня всем кажется очевидным, что, когда две стороны не могут достичь согласия, им лучше по-дружески разойтись в стороны. Каждая группа может мирно создать собственную деноминацию со своими особенностями и жить во взаимном уважении с другими. Но такой подход был недоступен церкви первых веков, и не просто потому, что тогдашние христиане в каком-либо смысле отставали от своих потомков в нравственном отношении. В христианском мышлении – идет ли речь о католиках, монофизитах или несторианах – центральное место занимало представление о церкви как неделимом теле Христовом. Если в теле нет единства, оно искажено, увечно и несовершенно, но эти слова просто невозможно приложить к телу Христову.

Евхаристия была зримым символом или таинством этого единого тела. Как бы ни отличались формы поклонения Богу в разных частях мира, – а здесь наблюдалось поразительное многообразие, – христианин мог причащаться вместе с другими братьями и сестрами, но лишь в том случае, если они придерживаются правильных представлений о Христе и о ключевых богословских истинах. Если же они отклоняются от этих представлений, их предают анафеме, то есть проклинают, и затем исключают из евхаристического общения. Слово *анафема* изначально обладало мощным смыслом, в нем даже звучало насилие. Это греческий перевод ветхозаветного термина, который описывал полное проклятие или уничтожение города, например Иерихона, где Бог велел израильтянам предать смерти «все, что дышит». Человек, преданный анафеме, был отторгнут как от церкви, так и от гражданского общества.

Слово «анафема» изначально обладало мощным смыслом, в нем **даже звучало насилие**

Быть «в общении» означало разделять некоторые ключевые предпосылки, которые определяли границы между истинными членами тела Христова и теми, кто к нему *не* принадлежит. Этот вопрос постоянно поднимается и сегодня, когда многие либеральные христиане готовы принимать причастие в любой церкви как знак расположения и братских отношений, но с изумлением наталкиваются на жесткость правил в некоторых церквях. Эти правила нередко омрачают католические похороны, на которых либеральные священники приглашают всех участников подойти к причастию, но это вызывает ужас у некоторых ортодоксальных верующих. Но в этом вопросе именно церкви с жесткими правилами больше соответствуют древней церкви, которая видела в причастии священный символ принадлежности и единства. Ты есть тот, с кем ты вкушаешь хлеб³⁸.

Церковный разум

Когда империя в IV веке официально признала церковь, потребность в единомыслии среди христиан стала еще сильнее. Как разные члены и органы составляют единое тело, так должен существовать единый организм церкви с единой иерархией, где все поместные церкви действуют в гармонии и находятся в евхаристическом общении одна с другой – по крайней мере так это виделось в теории. Однако время от времени во вселенской церкви воз-

³⁸ О других ритуалах принадлежности см. Michael Philip Penn, *Kissing Christians* (Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2005).

никали споры и подымались новые вопросы, так что необходимо было развивать доктрину, чтобы отдельные фракции не проклинали других христиан как вероотступников.

* * *

Ни один человек сам по себе и ни одна отдельная группа не имели власти разрешать эти споры, никакой вождь церкви или патриарх не обладал вселенским авторитетом. Конфликты, вовлекавшие широкие группы христиан, необходимо было решать сообща всей церковью на соборах, впервые подобное произошло на собрании апостолов в Иерусалиме, описанном в Деяниях. Если церковь была телом, то эти соборы, даже если они были несовершенны, исполняли роль ее разума.

В первые века христианства местные соборы на уровне епархии и региона происходили регулярно, но к IV веку впервые начали проходить собрания, представлявшие всю церковь, то есть Вселенские соборы. Организация такого рода собрания была нелегкой задачей. Если в первые дни существования церкви было бы несложно собрать всех христиан мира в одном месте для решения важного вопроса, то теперь их стало несколько миллионов. Так что пришлось собирать епископов и высокопоставленных клириков всех церквей в качестве представителей разных частей христианского мира. Это чем-то напоминает принцип опросов или изучения общественного мнения, хотя здесь он получал сверхъестественные санкции. Соборы представляли голос церкви, ведомой Святым Духом, и после того как собрание высказывало то или иное определение по вопросу, его решение имело абсолютный авторитет³⁹.

Соборы представляли голос церкви, ведомой Святым Духом, и после того **как собрание высказывало** то или иное определение по вопросу, его **решение имело абсолютный авторитет**. В реальности эти **соборы мало** походили **на образцы коллективной святости**

В реальности эти соборы мало походили на образцы коллективной святости, но скорее напоминали худшего рода съезды политических партий в Америке. Напрасно историк искал бы в соборах той эпохи проявления таких вещей, как христианское милосердие, сдержанность, общечеловеческие правила хорошего тона, готовность прощать старые обиды или стремление подставить другую щеку. Ничего этого не было заметно в ходе всех важнейших споров. Но там звучали обидные оскорбления, практиковались разговоры за спиной (в переносном и буквальном смысле), бесчестные интриги и создание секретных групп, а также постоянные запугивания⁴⁰.

Если оставить в стороне соображения о человеческой греховности, существовало несколько конкретных факторов, из-за которых эти соборы были столь хаотичными и жестокими и в итоге порождали разделения среди христиан. Одна проблема структурного характера заключалась в том, что не существовало общепринятого правила о том, кто должен и кто не должен участвовать в работе собора или какой епископ вправе на нем заседать. Даже если такие правила действовали, они обесмысливались из-за того, что соборы собирались редко, а положение дел в империи менялось, так что отдельные регионы набирали или теряли свое влияние. Между 325 и 680 годами состоялось только шесть соборов, которые были признаны Вселенскими, то есть обладающими авторитетом для всей церкви, – эти

³⁹ Ramsay MacMullen, *Voting About God in Early Church Councils* (New Haven: Yale Univ. Press, 2006). Norman P. Tanner, ed., *Decrees of the Ecumenical Councils* (Washington, DC: Georgetown Univ. Press, 1990).

⁴⁰ Michael Gaddis, *There Is No Crime for Those Who Have Christ* (Berkeley: Univ. of California Press, 2005).

редкие и нерегулярные собрания не могли остаться в памяти любой группы христиан как некая устойчивая практика⁴¹.

Собор должен был быть достаточно представительным, то есть включать в себя по меньшей мере несколько сотен участников – так, принято считать, что в Никее собралось 318 епископов, – но не существовало письменного устава, который бы обозначил минимальное число участников или хотя бы критерии их отбора. Никто даже не знал, сколько епископов управляют церковью в данный момент. По приблизительным подсчетам, в 440-х годах на территории Римской империи существовало 1200 епископов; это число использовали в риторических вопросах вроде: «Как дерзаешь ты один противопоставлять себя 1200?» Но в некоторых регионах, например в Северной Африке, существовало чрезвычайно много епископов относительно всего населения, так что, быть может, эта цифра преуменьшена. Сюда также не вошли епископы церквей за пределами Римской империи, например Эфиопии или Персии. Можно ли считать легитимным собор из 200 участников? Из 150? А что, если их будет 50? Здесь не существовало официального кворума. Должны ли были заседать на соборе представители всех регионов, где есть христианство, или только те люди, которые могли добраться до места назначения? Этот фактор был вполне весомым в эпоху, когда на дорогах и в море путешественники натывались на разбойников из варваров – гуннов, вандалов и готов.

Не существовало также официального объяснения того, каким образом Святой Дух оповещает о своем решении через голоса епископов. Идея голосования и подсчета большинства голосов была в V веке не менее известна, чем сегодня, но голосование обыкновенно принимало здесь форму шумных восклицаний. Группы участников кричали, чтобы поддержать то или иное решение, вероятно, произнося лозунги и распевая песнопения, заранее заготовленные для этого случая. Принципиально собор церкви мало чем отличался от уличной демонстрации. Более того, никогда не был ясным вопрос о том, что определяет окончательные христологические формулировки: большинство голосов или подавляющее большинство голосов. И даже после окончания судьбоносного голосования собор ожидал ратификации со стороны императора, а это открывало новые лазейки для лоббирования и дальнейших переговоров.

Это вопиющее отсутствие ясных правил объясняет хаотичность собраний, на которых каждая партия старалась опереться на поддержку многочисленных сторонников и показать, что делегации их противников не вправе подавать голоса. И даже когда собор голосовал за определенное решение, недовольное меньшинство могло собрать свой собственный собор, подать на нем свои голоса за иное решение и отослать результаты на утверждение императору. Обычно эти решения включали в себя проклятия соперникам и предание их анафеме, так что после некоторых соборов – особенно Первого Эфесского – наблюдателю было трудно запомнить, кто кого предал анафеме или низложил.

Такая процедура – или, точнее, отсутствие процедуры – давала семье императора и его чиновникам власть не меньше той, что имели патриархи и епископы. Любой рассказ о битвах за Иисуса следовало бы начать с великих патриархов или с таких важных деятелей церкви, как Лев Великий или Кирилл Александрийский, и подобных им мужей из Антиохии и Константинополя, однако окончательное решение здесь принимали императоры: Феодосий II и Маркиан. Кроме них сюда внесли не менее важный вклад тогдашние императрицы и дочери императора. Здесь прежде всего уместно вспомнить императрицу Пульхерию, которой удавалось заключать союзы с варварскими военачальниками и благодаря этому на протяжении тридцати лет поддерживать порядок в восточной части империи, в то время как Галла Плацидия управляла западной ее частью. Не менее важна здесь роль Евдокии, поэтессы и великого мастера риторики, которая поддерживала монофизитов после их поражения на Халки-

⁴¹ MacMullen, *Voting About God*.

донском соборе. Без поддержки этих и других благородных женщин ни одна из сторон не смогла бы долго просуществовать или бороться с противниками. Пульхерия прежде всего сыграла важную роль в том, что определенные формулировки стали христианской ортодоксией. Без ее постоянного личного вмешательства Первый Эфесский и Халкидонский соборы имели бы иной исход. И церковь просто воздала ей должное, канонизировав ее как святую. С другой же стороны, отделившаяся монофизитская церковь не выжила бы без покровительства Феодоры, императрицы VI века⁴².

На всех Великих соборах шла борьба между великими патриаршими престолами, представлявшие их духовные лица после этого становились либо великими святыми и отцами церкви, либо проклятыми еретиками

Решения по любому богословскому вопросу имели огромные политические последствия. На всех Великих соборах шла борьба между великими патриаршими престолами, представлявшие их духовные лица после этого становились либо великими святыми и отцами церкви, либо проклятыми еретиками. Некоторые из этих вождей церкви представляли также определенные традиции политической власти и монархии. Когда Римская империя начала разрушаться, снова ожили более древние представления о власти, так что александрийские патриархи, такие, как Кирилл, считали себя – в буквальном смысле – чуть ли не древними фараонами или богами-царями из династии Птолемеев и вели себя соответствующим образом. Лев и другие римские папы считали себя преемниками римских императоров, константинопольские патриархи видели себя вождями христианской теократии. За богословскими спорами стояло столкновение таких представлений, здесь прошлые и будущие монархии пытались доказать, что именно они суть законные наследники увядших режимов и потому должны первенствовать среди прочих. В Эфесе и Халкидоне шли бои за политическое будущее, а не только за вечную истину.

Вера и насилие

Епископы на соборах спорили о богословии в наполненных кадильным дымом залах, но их решения влияли на жизнь улицы и селений, где рядовые миряне искренне думали, что сама суть христианской веры оказалась под угрозой. За такие вещи, которые кажутся нам философскими тонкостями, обычные люди убивали, пытали или изгоняли своих соседей. Склонность к насилию и гонениям появилась у христиан намного раньше, чем принято думать, явно еще на раннем этапе развития церкви, до наступления Средневековья. Соборы вызывали ужасающие вспышки насилия во многих частях империи – от народных восстаний и переворотов до массовых убийств и гонений. Силам империи было трудно контролировать то, что происходило на ее огромной территории, особенно в таких процветающих, но недовольных странах, как Египет и Сирия⁴³.

За такие вещи, которые кажутся нам философскими тонкостями, обычные люди убивали, пытали или изгоняли своих соседей

Христиане применяли насилие не только против других христиан. Историки нередко говорят о том, что церковь стала более нетерпимой после того, как она получила официальное признание в империи, и это проявлялось во враждебном отношении к еретикам, язычникам и иудеям. Но в годы Великих соборов, между 410 и 460-м, уровень нетерпимости стал пугающе высоким. И это было прямым и естественным последствием богословских сражений. Пульхерия, спасшая ортодоксию в 451 году, одновременно возглавляла кампанию по

⁴² Millar, *Greek Roman Empire*.

⁴³ Gaddis, *No Crime for Those Who Have Christ*.

насильственной борьбе с иудеями, которая предвосхищала антисемитские гонения в средневековой Европе. Привкус «Средневековья» во всем этом – в религиозном насилии и нетерпимости, антисемитизме и фанатизме – усиливает тот факт, что правящая династия эпохи Эфеса и Халкидона, включая Пульхерию, имела испанские корни. Разумеется, здесь не следует думать об этническом детерминизме, тем не менее, любопытно отметить, что христианский мир V века во многом походил на эпоху печально известного великого инквизитора Торквемады⁴⁴.

Описывая бурные события, последовавшие за Халкидонским собором, историк Эдуард Гиббон недоумевает: как может «метафизический спор» вызвать подобные вспышки насилия? Но современные люди часто не понимают, что в древности насилие казалось законным, и это выходит за рамки метафизики. Кроме того, здесь нет смысла отделять религиозные мотивы от нерелигиозных. Большинство людей того времени, будь они образованными или простыми, верили в господство провидения в мире. По их мнению, дурное поведение или еретические верования вызывали гнев Бога, который мог выражаться во вполне материальных вещах: землетрясениях и пожарах, нашествиях и военных поражениях, голоде и эпидемии. Если не связать руки злодеям и еретикам, общество может просто погибнуть. Активисты, пытаясь уничтожить группы злонамеренных людей, использовали методы, которые кажутся вполне земными, политическими и циничными, но мы не можем отделить эти действия от стоящих за ними мотивов сверхъестественного характера. Хотя историки используют этот термин, никакой «секулярной жизни», не зависящей от церкви и религии, просто не существовало, и Римская империя – и в языческий, и в христианский периоды – никогда не была секулярной в современном смысле слова. Не существовало там и такой вещи, как «просто политика».

Монополия на насилие

Даже когда верующих глубоко возмущают те или иные чужеродные религиозные представления, это само по себе не обязательно порождает насилие – это касается и тогдашнего, и нынешнего мира. Насилие возникает тогда, когда у государства нет желания или возможности обуздать деятельность частных групп с сильной мотивацией. Такое бывает при слабости государства и падении общественных институтов или тогда, когда государство сознательно заключает союз с частными группами. В любом случае государство здесь утрачивает монополию на насилие (знаменитый термин социолога Макса Вебера), вследствие чего политическая стабильность оказывается под угрозой. Насилие порождает насилие, если его не сдерживает какая-либо внешняя сила.

Именно это произошло в V веке, когда церковь и государство все еще плохо понимали, где лежат пределы их власти. Разумеется, империя стала христианской и руководители церкви обладали высоким статусом и пользовались привилегиями. Но где кончалась их власть в сфере борьбы с язычеством или религиозными соперниками? К 400 году императоры все еще плохо понимали, что можно позволить церковным властям, которые служили агентами правительства и потому получали от него право использовать принуждение и грубую силу. Как ни старались благонамеренные государственные чиновники сохранить мир на соборах, они не смогли выполнить своей задачи, когда императорский двор отказался поддерживать их решения⁴⁵.

⁴⁴ Guy G. Stroumsa, «Religious Dynamics Between Christians and Jews in Late Antiquity (312–640)», in Casiday and Norris, *Cambridge History of Christianity*, 151–172.

⁴⁵ H. A. Drake, «The Church, Society and Political Power», in Casiday and Norris, *Cambridge History of Christianity*, 403–428.

Тем временем новые религиозные течения изменили представления об основах власти, благодаря чему неизмеримо возрос авторитет харизматических религиозных вождей. Среди христиан стала популярной идея о том, что избранные верующие, отказавшиеся от сексуальности и материального мира, получают от Бога сверхъестественную власть, особые дары, которые проявляются в видениях и чудесных исцелениях. Эта сила по своей природе превосходит любые силы светского мира. Тысячи монахов и отшельников, покинувших этот мир, стали героями, а их поступки – ролевыми моделями для тех, кто не мог во всей полноте принести такие жертвы. И мирские лидеры не ставили под вопрос этот особый мир духовной власти, но скорее пытались его имитировать. Даже императорская семья теперь вдохновлялась идеями об отвержении мира и целомудрии и прислушивалась к предсказаниям святых и визионеров.

К V веку создалось такое положение, когда епископы и другие христианские вожди могли поднять на защиту своих интересов великую силу, и это делало их важными политическими игроками. Церковь стала не государством внутри государства, но скорее параллельным государственным аппаратом. Епископы требовали абсолютной лояльности от своих клириков и последователей, подобно земным владыкам и аристократам, которые могли рассчитывать на преданность своих клиентов. Монахи играли особую роль частной армии и священных боевиков, которые по приказу харизматического епископа могли громить языческие храмы, избивать или убивать оппонентов и запугивать соперничающих богословов. Это были не какие-то мерзавцы, совершавшие злоупотребления, но преданные церкви монахи и клирики, которые делали именно то, что от них ожидалось, кроме их практики молитвы, размышления и исцелений. Когда город или какой-то край разделялся вокруг богословского вопроса, враждующие епископы и монахи в буквальном смысле сражались за истину на холмах и на улицах⁴⁶.

Разжигали экстремизм представления о чести. На протяжении многих веков вопрос о чести был неизбежным компонентом религиозных конфликтов, в том числе и в христианстве. Некоторые церковные институты того времени, по иронии судьбы, чем-то напоминают нам современные преступные или террористические организации – временами александрийский патриархат вел себя как члены клана Сопрано. И это сравнение более весомо, чем может показаться, поскольку и в древние, и в нынешние времена в средиземноморских сообществах действуют одни и те же культурные феномены: отношения патрона и клиента, честь и месть, преданность своей семье или клану. В различных регионах Римской империи социальные отношения определяли семья и честь, а в экстремальных условиях люди защищали эти ценности с помощью силы. Повседневная жизнь людей во многом представляла собой непрерывный цикл событий, в которых честь ставилась под вопрос, защитник чести совершал ответный ход и добивался победы над соперниками. Люди стояли за честь своей группы и, что не менее важно, старались покрыть бесчестьем противников. Если нам трудно понять ритуалы кровной мести и родовой вражды, мы никогда не поймем жизнь средиземноморских и ближневосточных сообществ ни в V, ни в XXI веках.

Монахи играли особую роль частной армии и священных боевиков, которые по приказу харизматического епископа могли громить языческие храмы, избивать или убивать оппонентов и запугивать соперничающих богословов

Хотя монахи и клирики торжественно отрекались от личной чести как от пустой суеты, они с легкостью переносили соответствующие механизмы поддержания чести на инсти-

⁴⁶ Gaddis, *No Crime for Those Who Have Christ*. Относительно монахов см. Susan Ashbrook Harvey, *Asceticism and Society in Crisis* (Berkeley: Univ. of California Press, 1990); Daniel Caner, *Wandering, Begging Monks* (Berkeley: Univ. of California Press, 2002); Jennifer L. Hevelone-Harper, *Disciples of the Desert* (Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2005).

туты. Это означало, что они хранят лояльность церкви в целом, или какому-либо престолу, или монастырю, и христиане сражались за церковь или свою группу с той же ревностью, с какой раньше они могли защищать свой город или клан. Победенный противник должен быть обеспечен перед публикой, включая все символические ритуалы унижения и подчинения, которые знали церковь и империя. Нам трудно понять ту удивительную ядовитую злость, которая окрашивала продолжительную схватку между великими церквами Антиохии и Александрии, пока мы не признаем, что это в буквальном смысле история кровной вражды, растянувшаяся на столетие и более. Позднее идея восстановления оскорбленной чести даже заняла центральное место в западном богословии. Около 1100 года монах Ансельм начал учить о том, что только жертва Христа могла удовлетворить задетую честь Бога, справедливый гнев которого был удовлетворен только крестной смертью Сына. Эта теория искупления стала нормой и для католичества, и для протестантизма⁴⁷.

Миряне также принимали участие в этих битвах – в виде толпы или организованных бандитских групп, – поскольку религия здесь становилась знаком принадлежности к определенной партии в схватках за политическую власть. Мы можем сравнить эти религиозные фракции с гангстерскими структурами в городах Америки XIX века, изображенными Мартином Скорсезе в фильме «Банды Нью-Йорка». В Константинополе – Новом Риме – происходило нечто подобное. Уличные банды мобилизовали массы, хотя это не была обычная бездумная месть кланов. Эти банды были связаны с определенными политическими группировками и правительством, так что самые жаркие схватки происходили вокруг вопросов об официальном влиянии и патронате. Существовала и вражда регионов, поскольку в сознании обычных людей некоторые вожди и некоторые направления мысли были тесно связаны с их городами или родными местами⁴⁸.

Религиозные страсти захватили даже две крупнейшие спортивные группировки на ипподроме, которые носили либо голубое знамя ортодоксов, либо зеленое знамя монофизитов. Представим себе аналогию из современной жизни: это как если бы нынешние споры в Англиканском сообществе отражались в виде международных футбольных состязаний или потасовок между фанатами команд, которые представляли бы церкви (скажем) Англии и Нигерии. Каждая сторона была бы вооружена ножами и коктейлями Молотова, у каждой был бы свой особый цвет, свои лозунги и символы – скажем, плакаты с изображениями соответственно английского епископа Роуэна Уильямса и главы церкви Нигерии Питера Акинола. Нигерийская партия отстаивала бы безошибочность Писания, а английская сражалась бы за интерпретацию Библии в свете разума и меняющихся приоритетов. К концу дня каждая сторона подсчитывала бы количество своих убитых и раненых.

Христианство и ислам

Вышедшие из-под контроля власти клирики, религиозные демагоги со своими священными боевиками, религиозные партии, присвоившие себе функции государства... Все это напоминает худшие черты современного радикального ислама в Иране и Сомали, Ираке и Ливане. Тогда, как и сегодня, проблема заключалась не в свойствах самой религии, не в ее доктринах или Писании, но в том, что государство не было способно контролировать насилие. Прошел всего век со дня обращения Римской империи, и христианские церкви начали себя вести точно так же, как сегодня себя ведут самые радикальные боевые исламские группировки. Это позволяет предположить, что насилие и нетерпимость, присущие современ-

⁴⁷ Gustaf Aulén, *Christus Victor* (New York: Macmillan, 1972); Sandra Visser and Thomas Williams, *Anselm* (New York: Oxford Univ. Press, 2009).

⁴⁸ Alan Cameron, *Circus Factions* (New York: Oxford Univ. Press, 1976).

ному исламу, ни в коей мере не являются, если можно так сказать, ДНК этой религии, но просто отражают определенные социальные и политические условия.

Прошел всего век со дня обращения Римской империи, и христианские церкви начали себя вести точно так же, как сегодня себя ведут самые радикальные боевые исламские группировки

На эту аналогию указывает одно событие, произошедшее в Константинополе около 511 года. Тогдашняя церковь любила использовать Трисвятое, гимн со словами: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный...» (в православных церквях он поется и сегодня). Но император Анастасий пожелал переделать его на монофизитский манер и добавить туда прославление Бога, «который был распят нашего ради спасения». Новая формулировка утверждала, что именно Бог ходил по земле Палестины в I веке и пострадал на кресте, что отвергало человеческую сторону Иисуса. Жители столицы были настолько возмущены, что подняли кровавое восстание:

Через это, при необузданном буйстве черни, много знатных особ подверглось крайней опасности и много великолепных частей столицы сделалось добычей пламени. А одного селянина, проводившего монашескую жизнь, чернь, найдя в доме Марина Сирийца, отсекла ему голову за то, что будто прибавление в Трисвятом было сделано по его совету, и, воткнув ее на копье, со смехом кричала: вот враг Троицы!⁴⁹

Мы можем себе представить, что было бы, если бы сегодня мусульманская толпа обезглавила возмущившего ее богослова и носила его голову по улицам. Это бы не только (справедливо) назвали преступлением, но кроме того западные люди молчаливо предположили бы, что этот инцидент отражает сам характер религии – кровожадную и воинственную нетерпимость, которую можно найти на суровых страницах Корана. Эту казнь восприняли бы как типичный признак исламского фанатизма. Разумеется, сказали бы мы, христиане так себя не ведут. Однако и христиане так поступали.

Когда мы думаем о религиозной политике V века, нам хочется сказать, что это просто действия каких-то группировок и отдельных партизан, но нам следует вспомнить о концепции власти, которая стояла за такой религиозной политикой. Иерархи-харизматики считали, что они охраняют священную истину; пророки и визионеры пытались направить ход истории в соответствии с указаниями, которые они получили непосредственно от Бога; религиозные учреждения игнорировали светское государство, стремясь установить теократию; культ мучеников поддерживал этот порочный круг растущего насилия. И снова: чем лучше мы поймем политику исламского Ближнего Востока, тем понятнее для нас станет христианское прошлое, и наоборот. Тогда это были Константинополь и Александрия, сегодня – Багдад и Могадшо. Хотя за это время поменялось вооружение, древнюю армию буйных монахов можно сравнить с шиитскими силами, которые сегодня поддерживают Муктаду ас-Садра в Багдаде и Басре. Армия Христа опередила Армию Махди примерно на 1600 лет⁵⁰.

История того, как церковные группировки эпохи соборов обретали духовный авторитет, напоминает нам о процессах в нынешнем мусульманском мире. На протяжении веков в исламе *фетвы*, то есть религиозные постановления, выносили только облеченные соответствующей властью институты ученых и юристов, и эти тексты обладали реальным авторитетом во всем мусульманском мире. Однако в XX веке различные группировки или даже

⁴⁹ Евагрий Схоластик, *История Церкви*, III, 44. В английском оригинале цитируется по: Walford, *History of the Church*, 386.

⁵⁰ Thomas Sizgorich, *Violence and Belief in Late Antiquity* (Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2008); Patrick Cockburn, *Muqtada Al-Sadr* (New York: Scribner, 2008).

отдельные люди присвоили себе право издавать такие фетвы, обычно с целью оправдать акты экстремизма и насилия. Сегодня, как и в V веке, радикальные клирики не просто обвиняют своих умеренных противников, но и официально отлучают их от верных. В фетве может говориться: кем бы ни считал себя X, отныне он уже не принадлежит к мусульманам, а потому он может стать объектом насилия. Иными словами, противника предают анафеме – как это делали христиане в V веке. У радикальных исламистов даже существует современный эквивалент христианской анафемы – *такфир*, когда какой-либо мусульманин (а иногда целая страна) объявляется *кафир*, то есть неверными. Идея *такфира* крайне важна для экстремистского ислама, созданного Осамой бен Ладеном.

Можно найти и другие аналогии между древними и нынешними экстремистами. Вера в провидение вдохновляет на политические действия сегодня, как это было и в поздний период существования Римской империи. Радикальные исламисты верят в то, что только через очищение веры мусульманский мир может сыскать Божие благоволение и дать другой ход его долгой истории поражений и несчастий в эпоху современности. Идея чести также провоцирует насилие в обществах, где личная и семейная гордость стоят на важном месте. Как христианские монахи в древности сражались за честь своей церкви, так современные возмущенные мусульмане защищают честь Пророка – их страсти кипят особенно сильно, когда его достоинство подрывают карикатуры или романы. Идея богохульства обретает свой смысл исключительно в контексте представлений о чести и стыде.

* * *

Когда мы размышляем об истории христианства, мы всегда находим ее ключевых героев и важнейшие образы и темы. Мы вспоминаем о средневековых соборах, о роскошных изображениях распятия или Мадонны и в целом о славе европейской культуры – не упуская из виду, конечно, и некоторые кошмарные аспекты этой истории, проявления нетерпимости и фанатизма. Но в первую очередь мы думаем о христианстве на европейской почве и о таком христианстве, которое не боялось вглядываться в человеческий лик Христа. Мы хорошо знаем средневековый мир с его духовными и интеллектуальными центрами, такими, как Рим и Париж, но не вспоминаем об Александрии и Антиохии. Таким образом, на каждой стадии мы думаем о мире, на который наложил отпечаток исход тех почти забытых сражений V века, которые кипели в мире империй и государств, исчезнувших с лица земли. Но те споры оставили свой след в мире, и их последствия окрашивают и ту эпоху, в которой мы живем. Соборы христиан в Эфесе и Халкидоне придали новую форму вере.

Приложение к главе 1 Великие соборы церкви

На протяжении веков церковь собирала многочисленные соборы и совещания регионального и местного уровней, но лишь немногие большие собрания стали авторитетными для всего христианского мира.

Это были всеобщие, или вселенские, по своей природе соборы. Католики, православные и протестанты согласно признают авторитет первых семи из этих соборов. Хотя на них рассматривались самые различные вопросы вероучения и практики, в центре каждого из них стояла такая спорная тема, которая сильнее всего вызывала разделения в то время. Каждый собор провозглашал определенные положения, которые стали ортодоксией для большей части церкви, хотя в каждом случае оставалась партия несогласных, которая продолжала свою деятельность долгие годы спустя.

Вот семь первых соборов:

I. *Первый Никейский собор (325)*. В церкви шли споры о божественности Христа. Сторонники Ария считали, что Христос как сотворенное существо стоял ниже Бога Отца. Их противников возглавлял Афанасий Александрийский. В этом лагере придерживались убеждения, что все три лица Троицы – Отец, Сын и Святой Дух – совершенно равны по своему достоинству. Никейский собор завершился решительной победой партии, стоявшей за Троицу, над арианами. Афанасий после этого стал епископом Александрии.

II. *Первый Константинопольский собор (381)*. Император Феодосий I устроил этот собор, чтобы положить конец продолжавшимся спорам о Троице. Ариане сохранили силу и после Никейского собора, существовали также группировки, отрицавшие то, что Дух Божий обладает божественностью в полном смысле этого слова. На Константинопольском соборе была предпринята попытка разрешить эти споры, а также определить место Святого Духа внутри Троицы. Собор создал развернутую версию символа веры, сформулированного в Никее, так что позднейшие поколения христиан, когда они пользуются так называемым Никейским символом веры, на самом деле употребляют его версию, принятую в Константинополе в 381 году.

III. *Эфесский собор (431)*. Когда в целом были решены вопросы о Троице, главным предметом споров стала христология, то есть надлежащее понимание свойств Христа и того, как в нем взаимодействовали человеческая и божественная природы. Константинопольского патриарха Нестория обвинили в том, что он разделил две природы, из-за чего Дева Мария стала матерью Христа, но не Бога. Его главный противник Кирилл, патриарх александрийский, провозгласил единство двух природ Христа. При поддержке папы римского Кирилл одержал победу, а партия Нестория была осуждена. До сих пор остается спорным вопрос о том, разделял ли сам Несторий те взгляды, которые ему приписывали.

[Второй Эфесский собор (449)]. Хотя позднейшие поколения христиан отказывались признать законность данного собора, он был созван примерно таким же образом, как и предыдущие. В церкви Константинополя произошло глубокое разделение, одна из сильных партий отстаивала представление о единственной божественной природе Христа. Константинопольский епископ Флавиан осудил эти взгляды как крайность и ересь. Под давлением александрийского патриарха Диоскора собор учинил расследование относительно взглядов Флавиана и, осудив его, поддержал учение об одной природе. Собор превратился в пота-

совку, в которой Флавиан получил смертельные травмы. Позднее это событие прозвали «Разбойничьим собором», лишив его законного статуса.]

IV. *Халкидонский собор (451)*. Четвертый собор был созван для того, чтобы исправить бедственные последствия предыдущего «Разбойничьего собора». На нем были осуждены действия Диоскора Александрийского и его сторонников. После жарких споров собор также сформулировал одно христологическое определение: Христа следует считать в полном смысле Богом и в полном смысле человеком. Исторически появление этой формулировки тесно связано с богословием римского папы Льва I.

V. *Второй Константинопольский собор (553)*. На протяжении столетия после Халкидона в церкви не прекращались споры и разделения вокруг христологических вопросов, и многие регионы продолжали исповедовать одну природу Христа (монофизитское движение). Отчасти движимый желанием примирить враждующие стороны, император Юстиниан собрал собор, который осудил труды некоторых давно умерших богословов, которые казались монофизитам серьезной ересью. Второй Константинопольский собор осудил некоторые спорные труды – так называемые три главы, – но это только породило новые споры. Лишь несколько лет спустя римский папа Вигилий, которого император держал в плену, был вынужден признать законность решений собора.

VI. *Третий Константинопольский собор (580–581)*. Византийские императоры предприняли еще одну отчаянную попытку положить конец христологическим битвам: что бы христиане ни думали о природах Христа, они, как считали организаторы собора, должны согласиться с тем, что у Христа была единая воля. К сожалению, такой компромисс никого не удовлетворил, и многие критиковали императорское решение вопроса, называя его ересью монофелитства (единой воли). Собор осудил монофелитство и провозгласил, что во Христе было и две воли, и две природы.

VII. *Второй Никейский собор (787)*. С 720-х годов в Византийской империи христиане начали спорить об иконах и образах, некоторые активисты говорили, что изображения следует запретить как проявление идолопоклонства. Второй Никейский собор признал, что такие изображения законны при том условии, когда их почитают, но не оказывают поклонения им самим по себе.

1. Бог и кесарь

Я намерен рассмотреть происхождение, развитие и судьбу двух градов, земного и небесного, которые в нынешнем мире смешаны и как бы соединены друг с другом.

Блаженный Августин

2. Война двух природ

Тайна человечества Христа, того, что он погрузился в нашу плоть, превосходит всякое наше понимание.

Мартин Лютер

Даже если бы это понадобилось, ответила Добрая Фея, ангельская или духовная плоть нелегкая вещь, и в любом случае потомство понесло бы великий ущерб, будучи наполовину плотью и наполовину духом, крайне загадочным и недееспособным набором частей, поскольку два эти элемента всегда плохо сочетаются между собой.

Флэн О'Брайен

В 428 году Несторий, новый патриарх столицы империи Константинополя, обратил внимание на одну опасную, по его мнению, распространенную среди христиан тенденцию. Можно поклоняться Деве Марии, считал он, но не следует называть ее *Theotokos*, Богородицей, Божией Матерью. Лучше называть ее *Christotokos*, Матерью Христа, что не стало бы вызывать богословских споров.

Но эта попытка запретить опасное нововведение сама по себе была воспринята как покушение на учение церкви, так что с этого шага Нестория началась серия конфликтов, которые раздирали и церковь, и империю. Весь этот процесс происходил с чрезвычайной быстротой. В течение первых трех лет его патриаршества имя Нестория стало ассоциироваться с ересью, и у него появилось множество противников и в Константинополе, и во многих других частях восточного мира. Ему приходилось отражать серьезные атаки оппонентов, а затем был собран собор, который вызвал раскол в христианском мире, и на этом соборе Несторий был осужден, низвергнут и полностью разбит. Срок в три года указывает на то, что жители империи обменивались информацией с удивительной быстротой и с легкостью понимали друг друга благодаря знанию греческого. Христианский мир занимал пространство от Атлантического океана до Персии, но при этом все равно походил на небольшое селение.

Христианский мир занимал пространство от Атлантического океана до Персии, но при этом все равно походил на небольшое селение

Но скорость развития настоящего кризиса свидетельствовала о том, что за ним стояли отнюдь не новые вопросы. Скорее эти вопросы висели в воздухе, и достаточно было одной искры, чтобы они породили пожар, а скорость его возникновения свидетельствует о взрывоопасной напряженности церковной политики той эпохи. Возмущение Несторием было просто очередным этапом той битвы, которая продолжалась не одно столетие. Ее участники уже давно пытались усвоить идею о Слове, ставшем плотью, и уже создали для этого свой сло-

варь: существо и природа, лицо и ипостась. Но каким же образом христология стала порождать великие разделения и в итоге погубила империю?⁵¹

Попытки понять Христа: 30—300 годы

Бог и человек?

Евангелия позволяют нам по-разному интерпретировать вопросы о природе и идентичности Христа. Насколько ясно Иисус говорил о том, что он равен Богу? Если ваше представление об Иисусе Христе формируется в основном под влиянием Евангелия от Иоанна, вы с большей вероятностью увидите в нем божество. Но синоптические Евангелия (Матфея, Марка и Луки) вынуждают нас обратить больше внимания на его человеческую сторону⁵².

* * *

Несомненно, представление о Христе как и Боге, и человеке столь же древнее, как и сама церковь. Уже в начале второго века Игнатий Антиохийский использовал слова, которые покажутся знакомыми христианам последующих времен вплоть до наших дней. «Господь наш Иисус Христос», как писал он:

телесный и духовный, рожденный и нерожденный, Бог во плоти... от Марии и от Бога.

Но были возможны и другие интерпретации, которые пользовались популярностью. С апостольских времен во многих группах существовало свое особое понимание взаимоотношения божественного и человеческого во Христе. В списке древних ересей представлены многие такие группы со своими представлениями о христологии. Разумеется, мы считаем их ересями и «особыми представлениями» только потому, что они в итоге потерпели поражение в схватке идей и стали побочными путями, а не столбовой дорогой веры⁵³. (См. приложение к данной главе «Некоторые древние интерпретации Христа».)

Некоторые из первых последователей Иисуса считали его пророком или мессией, но не кем-то божественным или не воплощенным Богом. Такие иудео-христианские группы обычно называют *эбионитами*, и пока еще трудно решить вопрос, не сохранили ли они представления начального движения Иисуса. Когда выросло напряжение между иудаизмом и христианством, церковь осудила любые представления, которые казались ей близкими к иудейским. Эта иудейская тема часто всплывала на поверхность в позднейших спорах,

⁵¹ Frend, *Rise of Christianity*. В должной мере доступное для читателя обсуждение соответствующих вопросов и дебатов см. в следующих работах: Edward Gibbon, *Decline and Fall of the Roman Empire*, 5:197–284; Anthony Maas, «Christology», *Catholic Encyclopedia* (1912), vol.14, at <http://www.newadvent.org/cathen/14597a.htm>; J. Levison and P. Pope-Levison, «Christology», in William A. Dyrness and Veli-Matti Kärkkäinen, eds., *Global Dictionary of Theology* (Downers Grove, IL: IVP Academic, 2008), 167–186; Giusto Traina, *428 AD* (Princeton: Princeton Univ. Press, 2009).

⁵² Raymond E. Brown, *An Introduction to New Testament Christology* (New York: Paulist, 1994); Gregory Riley, *One Jesus, Many Christs* (San Francisco: HarperSanFrancisco, 1997); Richard Bauckham, *God Crucified* (Carlisle, UK: Paternoster, 1998); Jaroslav Pelikan, *The Emergence of the Catholic Tradition (100–600)*, vol.1, *The Christian Tradition* (Chicago: Univ. of Chicago Press, 1971).

⁵³ Послание к Ефессянам 7 Игнатия цитируется по: Bart Ehrman, ed., *Apostolic Fathers*, 2 vols. (Boston: Harvard Univ. Press, 2003), vol.1, 227; Henry Bettenson, ed. *The Early Christian Fathers* (Oxford: Oxford Univ. Press, 1969); J. N. D. Kelly, *Early Christian Doctrines*, 5th rev. ed. (New York: Harper & Row, 1978); James H. Charlesworth and James R. Mueller, *The New Testament Apocrypha and Pseudepigrapha* (Metuchen, NJ: Scarecrow, 1987); Helmut Koester, *Ancient Christian Gospels* (Philadelphia: Trinity Press International, 1990). О сложных взаимоотношениях между «еретическими» представлениями и будущей ортодоксией см. Mark Edwards, *Catholicity and Heresy in the Early Church* (Farnham, UK: Ashgate, 2009).

поскольку мыслителей, которые подчеркивали человеческую сторону Христа, обычно обвиняли в симпатиях к иудаизму⁵⁴.

Две природы? Приемный сын

Согласно другим широко распространенным богословским мнениям, во Христе существовали две отдельные природы, человеческая и божественная, но божественная природа, Логос, захватывала и преодолевала человеческую. *Адопционисты* утверждали, что Иисус был полностью человеком, на него низшла божественная сила, сделавшая его Помазанником, Христом. Он стал Сыном в какой-то конкретный момент, когда был усыновлен Богом⁵⁵. И хотя эти представления кажутся совершенно чужеродными с точки зрения позднейшей христианской ортодоксии, их несложно вывести из некоторых текстов Нового Завета.

Есть такие представления о Христе, которые кажутся совершенно чужеродными сточки зрения позднейшей христианской ортодоксии, однако их несложно вывести из некоторых *текстов Нового Завета*

Если предположить, что Иисус стал Богом, в какой момент и как это произошло? Современным христианам этот вопрос кажется простым, потому что они привыкли к доктрине рождения от Девы. Эту идею подтверждает рассказ и изображения благовещения Марии, а также известные всем христианам на протяжении веков события, окружающие появление на свет Эммануила. Разумеется, думаем мы, именно в этот момент божественное существо появилось на земле в виде человека. Но множество христиан первых поколений понимало эту историю совершенно иначе, и их представления также имели под собой надежные библейские основания.

Несомненно, евангелисты Матфей и Лука рассказывают нам о рождении от Девы, но мы не найдем следов этой идеи в каком-либо ином месте Нового Завета. Если мы обратимся к Павлу, то увидим, что в Послании к Галатам он пишет: Бог послал своего Сына, который «родился от женщины», но ни тут, ни в других местах Павел не говорит о том, что в зачатии или рождении Иисуса было что-то необыкновенное. Хотя Павел мог бы написать здесь «от девы», он выбрал слово, указывающее на женщину, – *gyne/gynaikos*. Двое евангелистов, Марк и Иоанн, не рассказывают о рождении Иисуса, как и гипотетическое утерянное Евангелие Q. Молчат об этом и другие альтернативные Евангелия, такие, как Фома. И даже сами Матфей и Лука не упоминают об особом рождении после своих первых глав, о нем молчит и продолжение Евангелия от Луки – Деяния апостолов. И хотя некоторые авторы утверждают, что Откровение содержит слова о Марии и ее ребенке, это спорный текст, который в любом случае ничего не говорит о девственном рождении. По крайней мере в Новом Завете ни один апостол или проповедник не пытается убедить слушателей рассказами о чудесном зачатии и рождении Иисуса или о яслях, окруженных ангелами и царями. Игнатий Антиохийский, несомненно, верил в рождение от Девы, но эта идея почти не оставила следа в трудах так называемых апостольских мужей – христианских мыслителей от 90 до 140 года.

Если бы мы читали только Марка, Иоанна и Q и не знали бы историй о Рождестве, мы наверняка бы решили, что Иисус обрел божественность именно в момент крещения, а не при рождении. Мы можем, например, прочитать текст Марка, который, по единодушному мнению ученых, был самым древним полноценным Евангелием из дошедших до нас, но

⁵⁴ Относительно эбионитов см. Eusebius of Caesarea, *The Ecclesiastical History*, 2 vols. ed. and trans. Kirsopp Lake, Loeb Classical Library (London: Heinemann, 1926–1932), Book 3, 26–28; Antti Marjanen and Petri Luomanen, eds., *A Companion to Second-Century Christian «Heretics»* (Leiden: Brill, 2005); Matt Jackson-McCabe, ed., *Jewish Christianity Reconsidered* (Minneapolis: Fortress, 2007).

⁵⁵ Ehrman, *Lost Christianities*; Bart D. Ehrman, *The Orthodox Corruption of Scripture* (New York: Oxford Univ. Press, 1993).

при этом попробуем освободиться от тех идей, которые мы получили из других книг. Марк начинает с темы подготовки Пути – первые последователи Иисуса называли свою новую веру именно так: Путь. Он рассказывает о миссии Иоанна Крестителя, а затем Иисус приходит принять крещение; Марк ничего не говорит о прошлом Иисуса и никак не показывает, что он чем-то вообще выделялся среди людей. На Иордане Дух в виде голубя сходит на Иисуса, который затем поспешно удаляется в пустыню – вероятно, чтобы осознать ту потрясающую новую реальность, с которой он столкнулся. Подобную последовательность событий мы найдем в Евангелии от Иоанна. Конечно, здесь есть одно существенное отличие: текст Иоанна начинается со знаменитого пролога, описывающего воплощение – что Слово стало плотью. Читая начало Иоанна, мы привычно думаем о Рождестве: Слово родилось в вифлеемских яслях – и такая интерпретация законна, но возможны и другие. Кто-то даже может понять «Слово стало плотью» так: божество материализовалось в иудейской пустыне в образе тридцатилетнего мужчины, готового приступить к духовной миссии, – примерно так это понимали первые христианские гностики. Или мы можем увидеть в прологе Иоанна описание того, что произойдет с Иисусом, когда он выйдет из вод Иордана.

Для многих христиан первых поколений Иисус был прекрасным **или святым человеком, но лишь в момент** крещения в Иордане он был **внезапно наполнен божественной силой, Логосом или Святым Духом**

Для многих христиан первых поколений Иисус был прекрасным или святым человеком, но лишь в момент крещения в Иордане он был внезапно наполнен божественной силой, Логосом или Святым Духом. В начале II века влиятельный гностический мыслитель Керинф сделал популярной идею о том, что божественная сила вошла в Иисуса в момент крещения. Распятие же было тем моментом, когда сила Христа оставила человека Иисуса. В Евангелии от Петра, написанном во II веке, Христос на кресте восклицает: «Сила моя, Сила моя, почему ты оставила меня?» По словам Ириней, ортодоксального отца церкви, писавшего около 180 года, Керинф считал, что Иисус:

... не был рожден от девы; но подобно, как и все прочие люди, был сын Иосифа и Марии и отличался от всех справедливостью, благоразумием и мудростью. И после крещения сошел на Него от превысшего первого начала Христос в виде голубя; и потом Он возвещал неведомого Отца и совершал чудеса; наконец, Христос удалился от Иисуса, и Иисус страдал и воскрес; Христос же, будучи духовен, оставался чужд страданий.

Далее Ириней описывает представления гностиков такими словами:

Это – Христос, прошедший чрез Марию, как вода проходит чрез трубу, и на него при крещении сошел в виде голубя принадлежащий Плероме [полноте божества] и происшедший от всех Спаситель.

Другие новозаветные тексты также поддерживают далеко не самые ортодоксальные представления, хотя в них Иисус обретает божественность скорее не при крещении, а в момент воскресения⁵⁶.

Мы вправе даже сказать, что в церкви в целом этот древний интерес к моменту крещения Христа сохранялся долгие годы после того, как богословы официально отвергли идею о том, что именно тогда он стал божественным. И хотя это трудно доказать, праздник Рож-

⁵⁶ Евангелие от Петра цитируется по: Wilhelm Schneemelcher, ed., *New Testament Apocrypha* rev. ed. (London: SCM, 1963), 1:184. О Керинфе см. Eusebius, *Ecclesiastical History*, Book 3, 28. Ириней цитируется по: Alexander Roberts and James Donaldson, eds., *The Apostolic Fathers, Justin Martyr, Irenaeus*, in *Ante-Nicene Fathers* (New York: Scribner, 1926), 1:352; Roberts and Donaldson, *Apostolic Fathers, Justin Martyr, Irenaeus*, in *Ante-Nicene Fathers*, 1:325. О воскресении Христа как моменте «провозглашения» его божественности см. Рим 1:3–4.

дства, вероятно, отражает память о тех временах, когда некоторые христиане отмечали именно крещение – не рождение – Христа как ключевое событие его жизни.

Достоин удивления то, что нынешние христиане отмечают Рождество в середине зимы, тогда как в ранней церкви его праздновали в мае. (Ни один разумный иудейский пастух не выгнал бы стадо на холмы в декабре.) Но существуют другие объяснения тому, почему мы отмечаем этот праздник зимой. В конце II века египетские гностики из последователей Василида особо почитали крещение Иисуса и отмечали этот праздник 6 января. На протяжении многих веков ортодоксальные церкви праздновали Рождество, а не Крещение в середине зимы, тогда как на 6 января у них приходился праздник Богоявления. В западной церкви этот праздник посвящен поклонению волхвов, которые увидели славу Христа в младенце, лежащем в вертепе. Тем не менее в других христианских традициях на протяжении веков этот день был посвящен двум событиям: рождению Христа и его крещению в Иордане. В православных церквях в этот день отмечается праздник Крещения. В древней церкви Эфиопии крещение Иисуса стоит в центре праздника *Тимкат*, или Богоявления, и это по-прежнему один из величайших праздников церковного года. *Тимкат* – это местное арамейское слово, означающее «крещение»⁵⁷.

Доктрины адопционистов привлекали умы отдельных верующих и на протяжении III века и стали особенно популярны в 260-х годах благодаря влиянию Павла Самосатского, епископа Антиохии. По его учению, Мария была матерью человека Иисуса, на которого в момент его крещения сошел Логос.

Помазанный святым Духом, он принял титул помазанника [*Christos*], страдал в соответствии со своей природой и делал чудеса в соответствии с благодатью. По своим постоянству и решимости он уподобился Богу, храня себя от греха, соединился с Богом и получил власть и силу творить чудеса.

Со временем церковь осудила эти представления, как осудила взгляды эбионитов и иудеев, поскольку здесь на первом месте стоит человеческая природа Иисуса. Но они важны для позднейших споров, поскольку Павел Самосатский стал предтечей всех сторонников теорий о двух природах Христа⁵⁸. И хотя антиохийская церковь отвергла адопционизм, ее богословы всегда подчеркивали значение человеческой природы Христа, хотя не забывали и о природе божественной.

Одна природа? Ничего, кроме Бога во Христе

Другие верующие первых веков придавали такое значение божественной природе Христа, что буквально не видели в нем человека: у Христа есть только одна природа – природа Бога. Эти христиане также могли найти опору в Писании и в древней традиции. Согласно одной из версий этих воззрений, Христос просто принял облик человека, чтобы посетить мир, но и его вид, и его страдания были чем-то вроде иллюзии – такие представления принято называть *докетизмом*, от греческого слова *dokein*, «казаться». Еще в новозаветную эпоху Послание Иоанна осуждает тех, кто отрицает Христа, пришедшего во плоти (см. Ин 1:7). Некоторые докеты, ища поддержку в Писании, ссылались на гимн, записанный в Послании к Филиппийцам, где говорится, что Христос принял образ или форму (*morphe*) раба и родился *в подобии* человека, *по виду* став как человек (2:7). Это настолько древний гимн, что

⁵⁷ С. С. Martindale, «Epiphany», *Catholic Encyclopedia* (1909), vol.5, at <http://www.newadvent.org/cathen/05504c.htm>; Everett Ferguson, *Baptism in the Early Church* (Grand Rapids: Eerdmans, 2009).

⁵⁸ О Павле Самосатском см. Eusebius, *Ecclesiastical History*, Book 7, 27–30; о взглядах Павла Самосатского см. Frederick C. Conybeare, «Paul of Samosata», *Encyclopedia Britannica* (New York: Encyclopedia Britannica, 1911), 20:958; Epiphanius, *The Panarion of Epiphanius of Salamis*, 2 vols., trans. Frank Williams (Leiden: Brill, 1987–1994), 2:209–218; Virginia Burrus, «*Begotten, Not Made*» (Stanford: Stanford Univ. Press, 2000), 22–25.

уже в 60-х годах, когда его цитирует Павел, похоже, он обращается к хорошо известному христианам тексту. Он создан раньше всех четырех Евангелий в их окончательной знакомой нам редакции.

Вера в иллюзорного Христа неизбежно должна была повлиять на церковную практику и благочестие – например, если Христос был нематериальным существом, Евхаристия для христианина имеет лишь символическое значение. Эта вера отличала докетов от других христиан, и потому Игнатий Антиохийский отверг их представления еще в начале II века: он назвал докетов «атеистами и неверными». Однако подобные идеи длительное время пользовались популярностью в Сирии и на Востоке, так что они нашли отражение в тексте многих альтернативных евангелий. Это богословие также вошло в новую религию Мани, который учил о радикальном противоречии между светом и тьмой, духом и материей. Если думать, что материя есть зло, невозможно себе представить, что Христос существовал в теле или (как насмешливо говорил Мани) «родился от крови и плоти и дурно пахнущих женских выделений»! На Западе одним из самых ярких защитников реальной материальной природы Христа был Тертуллиан, писавший около 200 года. В своем трактате *De Carne Christi* («О плоти Христа») он утверждал, что ни одна из христианских доктрин не имеет смысла, если мы не верим в реальную физическую природу воплощения: «Бог должен был принять плоть, чтобы воистину умереть и воистину воскреснуть». Хотя Тертуллиан никогда не произносил именно такой фразы, в памяти людей осталось такое оправдание его веры в воплощение: «верую, ибо это абсурдно!»⁵⁹

Примерно с 200 года основным предметом споров было представление **о том, что Христос обладал человеческим телом, но не отдельной идентичностью или лицом, так как был соединен с Богом**

На протяжении II и III веков церкви постоянно боролись с представлениями об одной природе. Примерно с 200 года основным предметом споров было представление о том, что Христос обладал человеческим телом, но не отдельной идентичностью или лицом, так как был соединен с Богом; Отец, Сын и Дух были лишь разными сторонами единой реальности, тремя именами единой ипостаси, так что не было большого смысла говорить о Троице. Этот взгляд сделал популярным Савеллий, хотя его идеи были настолько спорными, что до нас не дошло ни одного из сказанных им слов. Он считал, что Христос един с Отцом в такой степени, что на кресте страдал Отец. С точки зрения позднейших христологических теорий Савеллия можно отнести к радикальным сторонникам веры в одну природу. Савеллианство привлекало тех христиан, которые, подобно иудеям, ужасались любым отклонениям от строгого монотеизма и опасались, что Христос превратится во второго самостоятельного Бога⁶⁰.

Стремление сохранить человеческую сторону Христа

Во времена Нестория христиане хорошо помнили об этих спорах. Они использовали ставшие привычными названия и клички, чтобы обозначить и заклеить своих врагов. Если кто-то слишком резко стоял за единую природу Христа, оппоненты могли (презрительно) назвать его савеллианцем. Если же кто-то слишком решительно настаивал на противоположном и настаивал на существовании двух отдельных природ, его могли счесть последователем Керинфа или Павла Самосатского. К концу III века в западной церкви появи-

⁵⁹ Выражение «атеисты и неверные» из Послания Игнатия к Траллийцам 10 цитируется по: Ehrman, *Apostolic Fathers*, 1:264–265. Цитата из Мани по: Epiphanius, *Panarion of Epiphanius*, 2:227; Тертуллиан *De Carne Christi* цитируется по: Allan Menzies, ed., *Latin Christianity: Its Founder, Tertullian*, in *Ante-Nicene Fathers* (New York: Scribner, 1926), 3:911–951.

⁶⁰ Epiphanius, *Panarion of Epiphanius*, 2:121–127; Young, «Monotheism and Christology», in Mitchell and Young, *Cambridge History of Christianity*, 452–469.

лась формулировка, отражавшая стремление избежать обеих крайностей. Если использовать латинские термины, можно сказать, что Христос был одной *persona* (лицом), в которой было две *substantiae*, ипостаси, божественная и человеческая⁶¹.

В свете позднейших представлений о развитии христианской доктрины нам важно понять, как обе стороны споров понимали божественную сторону Христа. Многие современные читатели думают, что обожествление Христа было искажением первоначального христианского учения. Они полагают, что первые христиане видели в Иисусе человека и что лишь позже, задним числом, ему придали божественный статус. Последнее обычно связывают с обращением Римской империи в христианство и с таким событием, как Никейский собор 325 года. В своем романе «Код да Винчи» Дэн Браун утверждает, что именно в Никее Иисус *стал* Богом в результате борьбы за власть империи и церкви: он был обожествлен с помощью голосования и подсчета большинства голосов.

Уже к 200 году иудеохристианские группы, видевшие во Христе исключительно человека, стали крайне малочисленными и изолированными

Однако по меньшей мере за сто лет до этого события никто не ставил под сомнение божественность Христа, причем чем определеннее церковь высказывалась за приоритет четырех канонических Евангелий, тем прочнее становилась эта вера. Матфей и Лука были наиболее популярными евангелистами, и, знакомясь по ним с жизнью Христа, верующий не мог обойти их повествования о чудесном зачатии и рождении. Память об этих историях окрашивала восприятие Марка и Иоанна, так что читателям казалось, что и эти евангелисты говорили о рождении Иисуса. Христиане спорили не о божественности Иисуса Христа, но о связанном с этим вопросе: какие человеческие элементы в нем остались – и остались ли они вообще? Уже к 200 году иудеохристианские группы, видевшие во Христе исключительно человека, стали крайне малочисленными и изолированными. Жаркая схватка шла вокруг совершенно иного вопроса: можно ли считать Христа человеком?

Четвертый век

Новые битвы Никей

Вопрос о том, в какой мере Христос един с Богом Отцом, породил так называемый арианский кризис. Священник Арий соглашался с тем, что Христос был могущественным и святым и принадлежал к сверхъестественному миру, однако, думал он, поскольку Отец сотворил его в определенный момент, мы не можем считать Христа в равной мере божественным. Его оппоненты, во главе которых стоял Афанасий из Египта, с меньшей страстью верили в то, что Христос совершенно равен Отцу, что он часть триединого Бога и всегда обладал этим статусом. Ортодоксы лаконично выразили свою позицию в виде лозунга, который можно перевести примерно так: «Никогда не было такого было, когда Его не было»⁶². Как это нередко бывает в подобных философских схватках, мнения двух противоборствующих сторон не так уж существенно отличались одно от другого. И ариане, и сторонники Афанасия считали, что Иисус тесно связан с Отцом и существовал до создания вселенной.

⁶¹ Henry Bettenson, ed., *The Later Christian Fathers* (Oxford: Oxford Univ. Press, 1969); Trevor Hart, «Creeds, Councils and Doctrinal Development», in Philip F. Esler, ed., *The Early Christian World* (New York: Routledge, 2000), 1:636–659.

⁶² Лозунг «Никогда не было...» из John Bowden, «Christology» in John Bowden, ed., *Encyclopedia of Christianity* (New York: Oxford Univ. Press, 2005), 220; Rowan Williams, *Arius*, rev. ed. (Grand Rapids: Eerdmans, 2002); Thomas C. Ferguson, *The Past Is Prologue* (Leiden: Brill, 2005); J. Rebecca Lyman, «Arius and Arians», in Harvey and Hunter, *Oxford Handbook of Early Christian Studies*, 237–57.

Афанасий утверждал, что Христос единосущен (*homoousios*) Отцу, Арий же думал, что он подобен (*homoiousios*) Отцу, но не тождественен ему. Вся разница заключалась в одной-единственной букве.

Афанасий одержал великую победу в этой битве, однако его триумф одновременно открыл дорогу для христологии одной природы. В 325 году Никейский собор осудил взгляды Ария как еретические. Собор выразил свои убеждения в следующем Символе веры:

[Веруем] во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца, т. е. из сущности [ousia] Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, Отцу единосущного [homoousios], чрез Которого все произошло как на небе, так и на земле. Ради нас, человеков, и ради нашего спасения нисшедшего, воплотившегося [sarkothenta] и вочеловечившегося [enanthropesanta]...⁶³

Никейский собор стал славной легендой истории церкви – воспоминанием о победе только что провозглашенной ортодоксии. Хотя на то, чтобы утвердить мнение Афанасия во всей церкви, ушли века (скажем, в VI веке готы и лангобарды, исповедующие арианство, правили значительной частью Западной Европы), в итоге оно восторжествовало. Даже в наши дни сотни миллионов людей, посещающих церкви с традиционным богослужением, слышат об этой доктрине еженедельно, когда на любом языке произносят Символ веры, где говорится, что Христос единосущен Отцу. Однако Никея не положила конец богословским спорам, но скорее, напротив, привела к появлению новых полей сражений. К концу IV века основная часть церкви достигла согласия по вопросам о природе Бога и о Троице, но теперь разгорелись битвы вокруг природы Христа. Эти христологические споры были главными спорами V века⁶⁴.

Сами никейские определения создали проблемы для понимания человеческой стороны Христа. Символ веры собора, несомненно, отражает веру в то, что Христос был человеком. Иисус не просто воплотился, но и стал человеком, *anthropos*. Но можно было спорить о значении этих терминов, и спор об этом стал предметом глубокого взаимного несогласия церковей Александрии и Антиохии. В Евангелии от Иоанна говорится о том, что Логос «стал плотью» (*sarx*), и позднейшие богословы считали, что Логос был началом, которое управляло плотью, или телом, Христа. Такое представление о *Logos-sarx* (Слове-плоти) удовлетворяло мыслителей александрийской школы, таких, как Афанасий. Но это оставляло возможность думать, что Бог обитает в человеческом теле, не имеющем своей отдельной идентичности: в этом смысле в Иисусе можно было видеть просто обобщенного представителя человечества. Со своей стороны антиохийцы опасались, что такой подход приведет к отрицанию того, что Иисус был человеком в полном смысле этого слова. Он был не просто телесным существом, но реальным человеком определенного происхождения и со своей биографией, с умом, волей и желаниями – он ведь плакал – человека. Антиохийцы единодушно придавали больше значения Христу как человеку, *anthropos*, так, у них было представление о *Logos-anthropos* (Слове-человеке). Вочеловечиться, стать *anthropos* означало обрести статус человека в полной мере⁶⁵.

⁶³ J. N. D. Kelly, *Early Christian Creeds*, 3rd ed. (New York: Longman, 1981, originally published 1972). О Никейском соборе см. Timothy D. Barnes, *Constantine and Eusebius* (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1981); Timothy D. Barnes, *Athanasius and Constantius* (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1993); John Behr, *The Way to Nicaea* (Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 2001); Mark Edwards, «The First Council of Nicaea», in Mitchell and Young, *Cambridge History of Christianity*, 552–567; Lewis Ayres, *Nicaea and Its Legacy* (New York: Oxford Univ. Press, 2006).

⁶⁴ Karl-Heinz Uthemann, «History of Christology to the Seventh Century», in Casiday and Norris, *Cambridge History of Christianity*, 460–500.

⁶⁵ Grillmeier, *Apostolic Age to Chalcedon*.

В 268 году слово *homoousios* казалось церкви абсурдной ересью; спустя оно шестьдесят лет стало лозунгом единой ортодоксии

Христиане стали пользоваться нагруженным смыслом словом *homoousios*, которое приобрело уже почти авторитет Писания и было концепцией, от которой никто не мог легко отмахнуться. Но сторонники одной природы с легкостью могли использовать его для поддержки своих представлений. Если Христос действительно обладает единой сущностью с Отцом, где в этой картине человек Иисус? Достоин внимания тот факт, что Никейский Символ веры буквально ничего не говорит о том, что Иисус делал от своего воплощения до распятия при Понтии Пилате. Мы ничего не слышим о его чудесах и притчах, проповедях и поучениях или каких-либо еще событиях его земной человеческой жизни, как если бы ничто в его жизни или миссии между двумя событиями не имело ни малейшего значения. Даже Афанасий, как он ни старался, не смог оставить убедительного утверждения о человеческой природе Христа. Фактически критики Никее вправе были говорить, что этот Великий собор просто воскресил забытое савеллианство в новой оболочке – мысль о том, что Христос просто был формой или видом единого божественного существа. По иронии судьбы, то самое церковное собрание, которое в 268 году осудило Павла Самосатского, одновременно отвергло и термин *homoousios*, который казался тому собору еретическим нововведением Павла. В 268 году это слово казалось церкви абсурдной ересью; шестьдесят лет спустя оно стало лозунгом единой ортодоксии⁶⁶.

Аполлинарий

Открыв путь для теорий одной природы, церковь столкнулась с некоторыми опасными представлениями. Если Христос действительно един с Богом, значит, сам Бог был в утробе Девы, родился, пострадал и умер. Историк Эдуард Гиббон справедливо писал о последствиях Никее так: «Кафолическая вера колебалась на краю обрыва, откуда невозможно было отступить, где трудно было устоять и где ей угрожала опасность падения»⁶⁷. Один из ближайших учеников Афанасия взял на себя задачу сделать неизбежный вывод из его логики. Яростный враг арианства Аполлинарий Лаодикийский в Сирии стремился подчеркнуть важность божественной природы Христа, для чего в 360—370-х годах написал серию блестящих сочинений и посланий. В полемике с арианами, умалявшими значение божественности Христа, он зашел слишком далеко в противоположном направлении и почти устранил человеческую природу в своей экстремальной христологии Слова-плоти. Так он сделался предтечей всех последующих сторонников одной природы, то есть монофизитских богословов.

Аполлинарий решительно отвергал мысль о том, что Христос обладал человеческим умом. Подобно большинству мыслителей своей эпохи, он в согласии с Платоном считал, что человек обладает телом (*soma*), душой (*psyche*) и умом (*nous*). *Psyche* управляет животными функциями, а *nous* — это рациональный высший ум, который и делает нас людьми. Аполлинарий рассуждал так: если Христос единосущен (*homoousios*) Богу Отцу, он тем самым божественен. Но, разумеется, божество не может опуститься до того, чтобы принять на себя человеческую природу, а потому не может обладать человеческим умом, *nous*, «умом изменчивым и поработанным нечистыми мыслями». Если бы Христос обладал человеческим умом, это бы значило, что у него раздвоение личности – то, что мы сегодня называем шизофренией, что в буквальном смысле означает «расщепление ума»⁶⁸.

⁶⁶ J. Stevenson, ed., *A New Eusebius* (London: S. P. C. K., 1957), 279–280. MacMullen, *Voting About God*, 26–27.

⁶⁷ Gibbon, *Decline and Fall of the Roman Empire*, 5:207.

⁶⁸ Аполлинарий цитируется по Frend, *Rise of the Monophysite Movement*, 116.

Хотя Воплощение предполагает слияние человеческого и божественного, по мнению Аполлинария, божественное настолько преобладало во Христе, что буквально не оставляло места ничему человеческому в нем, кроме *soma* и *psyche* – плотского тела и животной души. У Христа, утверждал Аполлинарий, не было человеческого ума (*nous*) или (*psyche logike*) разумной души, поскольку их функции выполняло божественное Слово. «Слово Бога не сходило здесь на святого человека, как то было в случае пророков, но это Слово само стало плотью, оно не обладало человеческим умом... но существовало как божественный ум, не подверженный изменениям, и небесный». Христос взял на себя человеческую природу, но ни в каком смысле не стал неким отдельным человеком. Божественное настолько преобладало во Христе, утверждал Аполлинарий, что он стал «Богом, рожденным от жены», «Богом, носящим плоть». «Священное Писание не отделяет слово от плоти: он есть одна природа, одна энергия, одно лицо, одна *hypostasis*, одновременно истинный Бог и истинный человек»⁶⁹.

Аргументы Аполлинария, несмотря на их логику, вызвали яростную критику. Если он прав и у Христа не было человеческого ума, что же означает спасение? Неужели Христос пришел для того, чтобы спасти и искупить лишь плоть? Как писал автор XIX века Филип Шэфф, «рациональный дух человека нуждается в спасении не менее, чем тело». Иным же казалось, что Аполлинарий не признавал Иисуса подлинным человеком и тем самым проповедовал новую версию докетизма. Несколько синодов осудили его взгляды, которые были подвергнуты официальному осуждению на Константинопольском соборе 381 года – так называемом Втором Вселенском соборе (Никея считалась Первым). Папа Дамас, согласный с решениями собора, писал: «Если кто-то преуменьшает человеческое или божественное во Христе, он полон бесовских духов и свидетельствует о себе как о чаде ада»⁷⁰. Церковь Рима предала анафеме «всех тех, кто считает, что Слово Бога вошло в человеческую плоть, но не в разумную душу. Ибо это Слово Бога не обитало в особом теле, лишенном разумной и мыслящей души, но приняло на себя и спасло нашу разумную и мыслящую душу, кроме греха»⁷¹.

Однако отказ от трудов Аполлинария сам по себе не решал дилеммы о двух природах и не мог положить конец спорам. Если он неправ и идея об одной природе ложная, значит ли это, что верна теория двух природ? Означает ли это, что гностик Керинф в итоге оказался прав? «Случай Аполлинария» положил начало длительным спорам, которые переросли в открытое столкновение в Эфесе и Халкидоне и продолжались позже.

Новый словарь богословия

Споры вокруг Аполлинария также показали, что многие разногласия в церкви порождает нечеткость терминологии. К концу IV века богословы пришли к согласию о тонких, но критически важных значениях некоторых слов, которые прежде использовались в гораздо более расплывчатых смыслах. К наиболее замечательным мыслителям этого периода следует отнести так называемых каппадокийских отцов: Василия Кесарийского, Григория Назианзина и Григория Нисского. Их труды дали церкви совершенно новую христианскую философскую систему, снабженную терминологией, которая позволяла добиваться

⁶⁹ «Слово Бога не сходило...» цитируется по Stevenson, *Creeds, Councils and Controversies*, 96; «Священное Писание...» – по Frend, *Rise of the Monophysite Movement*, 115.

⁷⁰ Шэфф цитируется по Philip Schaff, *The Creeds of Christendom* (Grand Rapids: Baker, 1993 printing), 2:64. Дамас цитируется по Theodoret, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 3:139. О Первом Константинопольском соборе см. Henry R. Percival, «The Seven Ecumenical Councils of the Undivided Church», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 12:161–190. Rubenstein, *When Jesus Became God*, 211–321; Charles Freeman, *a.d.381* (London: Pimlico, 2008).

⁷¹ Анафемы цитируются по Theodoret, «Ecclesiastical History», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 139–140.

гораздо большей ясности аргументации. Это позволяло в христологии говорить об уровнях или степени единства, избегая простого отождествления *Христос = Бог*. Созданный ими словарь определил форму споров V века⁷².

Многие разногласия в церкви порождает нечеткость терминологии

К наиболее важным из этих терминов относятся следующие: *ousia*, *physis*, *hypostasis* и *prosopon*. (См. Таблицу 2.)

Таблица 2
КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ ХРИСТОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ

Греческий	<i>ousia</i>	<i>physis</i>	<i>hypostasis</i>	<i>prosopon</i>
Латынь	<i>essentia</i>	<i>natura</i>	<i>substantia</i>	<i>persona</i>
Современное использование	сущность, существо	естество, природа	«ипостась», са- мостоятельное существование	лицо, личность

Physis – это природа в смысле «подлинной природы» кого-либо. *Hypostasis* – сложное слово, которое можно перевести как «отдельное, самостоятельное существование». Это слово говорит о «лежащем под чем-то» в архитектурном смысле – подобно основанию дома. *Prosopon* указывает на личность. Первоначально данное слово обозначало маску театрального актера, латинским эквивалентом которого было *persona*. С точки зрения современной психологии оно соответствует понятию «личность», которую мы, подобно маске, являем окружающему миру; но в богословии у него нет такого смыслового оттенка обмана или иллюзии⁷³.

Эти точные термины многое значат. Каппадокийцы видели в Троице три отдельных существа – Отца, Сына и Духа, – где у каждого из них есть своя идентичность, *hypostasis*, но они обладают общей сущностью, *ousia*. Бог Сын обладает той же сущностью, *ousia*, что и Отец, в согласии с формулировками Nikei, но это не возвращает нас к спорам вокруг савеллианства. Как человек я разделяю общую *ousia* с другими людьми, потому что все мы существа одного сорта, но это не значит, что мы все идентичны. У меня есть моя собственная идентичность, которая отличает меня от Джона Смита или Мэри Джонс. Таким образом, Христос *homoousios* с Богом, но не идентичен Богу⁷⁴.

Но это подвело христиан к еще одному важнейшему вопросу. Если Христос обладает и человеческой, и божественной природой (*physis*), в каких отношениях находятся первая и вторая? На каком этапе они соединились? Было ли это в момент зачатия Христа, его рождения или когда-то еще? И что стало в таком союзе с природой человека? Пережила ли человеческая природа воплощение? Сохранилась ли она после воскресения? Сложно было ответить даже и на вопрос попроще: в какой мере был человеком Христос, когда он ходил по Галилее?

⁷² Friend, *Rise of Christianity*, 629–642. Andrew Louth, «Later Theologians of the Greek East», in Esler, *Early Christian World*, 1:580–600; Edward Rochie Hardy, ed., *Christology of the Later Fathers* (Philadelphia: Westminster, 1954).

⁷³ Stevenson, *Creeeds, Councils and Controversies*, 115; Friend, *Rise of the Monophysite Movement*; Rubenstein, *When Jesus Became God*, 204–208.

⁷⁴ Susan Wessel, *Cyril of Alexandria and the Nestorian Controversy* (New York: Oxford Univ. Press, 2004).

Что знал Христос и когда он получил это знание? Допустим, Христос знал меньше, чем Отец, но в какой мере его знание было ограничено? Мы можем согласиться с тем, что лежащий в яслях младенец Иисус не знал всего, что происходит во вселенной, но что мы скажем про взрослого Иисуса? Можно себе вообразить, что ум Иисуса развивался постепенно, как это происходит у человека, который растет, становится зрелым и потом движется к закату. Но можем ли мы говорить об особом моменте, когда Иисус вдруг осознал свою божественность, – или это был постепенный процесс постижения?

Война за Иисуса объявлена: V век

Александрия

Споры, приведшие к Халкидону, в основном были десятилетними схватками между двумя важнейшими интеллектуальными центрами, двумя сердцами христианского мира – Александрией и Антиохией. Оба этих города были древнейшими центрами веры, оба считали себя преемниками великой традиции. Оба города в V веке обладали большой властью и престижем. Чем яростнее варвары нападали на Запад, на Галлию, Испанию и Африку, тем более важную роль в политике и экономике уменьшавшейся империи играли Сирия и Египет, то есть Антиохия и Александрия. Кроме того, каждый город занимал свою особую позицию в спорах о природах Христа: Александрия твердо держалась веры в одну природу, тогда как Антиохия оставалась открытой для идеи о двух природах. Сам Несторий был во многом порождением Антиохии, и его самыми яростными противниками были именно александрийцы.

Особая александрийская традиция опиралась на труды Оригена, ученого мужа начала III века, который был предтечей многих христологических теорий и даже создателем соответствующей терминологии – включая такие термины, как *ousia* и *hypostasis*. Ориген также определил крайне философское направление развития александрийского богословия и ввел символическое и духовное толкование Писания, которым так часто отличались египетские мыслители. После Никеи в течение десятилетий славным представителем Александрии был епископ Афанасий. Он подчеркивал безусловную божественность Христа, отстаивал доктрину *homoousios* и боролся со всеми теми, кто преуменьшал значение божественной природы Христа. Несколько его преемников хранили эту традицию. Из них особенно выделяется Кирилл, который был одновременно блестящим мыслителем и – никуда от этого не деться – несносным задирой. Кирилл не допускал никаких уступок доктрине двух природ. Он отвергал идею о том, что Слово стало плотью через союз, основанный просто на воле или желании. Этот союз, по его мнению, должен был иметь более глубокую основу⁷⁵.

Величайшим вкладом Кирилла в учение церкви была его формулировка о союзе ипостасей, созданная в полемике с Несторием, которую Халкидонский собор сделал официальной доктриной. По словам Кирилла, две различные природы соединяются во Христе «союзом по ипостаси» (*henosis kath' hypostasin*), динамическим союзом, «и из обеих является единый Христос, единый Сын».

Слово, ипостасно соединенное несказанным и невыразимым образом с плотью, движимой разумной душой, стало человеком и было названо сыном человеческим... Хотя природы, соединенные истинным союзом,

⁷⁵ Lionel R. Wickham, ed., *Cyril of Alexandria: Select Letters* (Oxford: Clarendon, 1983); Norman Russell, *Cyril of Alexandria* (New York: Routledge, 2000); John A. McGuckin, *St Cyril of Alexandria: The Christological Controversy* (Crestwood, NY: St Vladimir's Seminary Press, 2004); Wessel, *Cyril of Alexandria*. В защиту Кирилла см. В. Т. А. Evetts, ed., *History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria* (Paris: Firmin-Didot, 1948—59), 2:403–423.

отличны, от них есть единый Христос и Сын... Бог и Человек несказанным и неопишуемым образом образуют союз, дающий нам единого Господа, и Христа, и Сына.

Мария была Матерью Бога, поскольку родила плоть, неразрывно соединенную с божественным Логосом. «Итак, надлежит нам признать единого Христа и единого Господа и не поклоняться человеку вместе со Словом... но поклоняться ему как Единому, одному и тому же»⁷⁶.

Для позднейшей христианской жизни огромное значение имело также учение Кирилла о Евхаристии. Если Христос есть воплощенный Бог, значит, верующие имеют доступ к божественной жизни через тело и кровь Евхаристии. Хотя здесь еще не содержится средневековой западной идеи о пресуществлении святых даров, Кирилл подчеркивал, что хлеб и вино радикальным образом меняются. Причастие, которое мы принимаем, писал он, «не есть плоть освященного человека, связанного со Словом союзом своего достоинства, или того, в ком обитает Бог, но это дающая жизнь истина и плоть самого Слова. Будучи как Бог жизнью по своей природе, соединившись с плотью, он делает эту плоть жизнеподательной». Как это было у многих других богословов, поскольку Кирилл ставил Христа на недостижимую высоту, он также ставил на высоту таинства и священнослужителей, которые их преподают⁷⁷.

Во всем этом была одна проблема: Кирилл гораздо сильнее, чем он сам замечал, опирался на радикальные доктрины одной природы, которые оказали огромное влияние на все его труды. На развитие его идей повлияла одна фраза, которую Кирилл приписывал своему крепкому в ортодоксии предшественнику Афанасию: Христос есть «одна Природа (*mia physis*) Логоса Бога воплощенного». Кирилл сделал это выражение опорой для возникающей ортодоксии. На самом же деле это выражение было подделкой и его источником был не Афанасий, но осужденный еретик Аполлинарий. Хотя антиохийские богословы пытались разоблачить этот подлог, вожди церкви мало прислушивались к их словам. Александрийская традиция, усвоив этот сомнительный текст, сделала еще один шаг в сторону идеи единой природы. Особенно странным было утверждение Кирилла о том, что «Слово Бога пострадало во плоти, и было распято во плоти, и вкусило смерть во плоти». С этой формулировкой горячо бы согласился и Аполлинарий. Так, через подложный текст, принятый Кириллом, учение Аполлинария оставило отпечаток на общепринятой христологии церкви, что заметно усилило тенденцию превозносить Христа и подчеркивать его божественность⁷⁸.

АНТИОХИЯ

Другим интеллектуальным центром была Антиохия, которая не менее глубоко, чем Александрия, была связана с древним христианским наследием⁷⁹. Особая и живая традиция мысли поддерживала в антиохийцах стремление понимать и объяснять головокружительную весть христианства. Павел Самосатский был антиохийским епископом, пока его не сместили после обвинения в ереси; даже Аполлинарий проповедовал в сирийской столице. Еще задолго до возникновения христианства Антиохия славилась своими школами риторики и философии, и христиане пользовались богатствами языческой традиции, приспособивая

⁷⁶ Цитаты из Второго Послания Кирилла к Несторию приводятся по Price and Gaddis, *Acts of the Council of Chalcedon*, 1:175–177. John A. McGuckin, ed., *St. Cyril of Alexandria: On the Unity of Christ* (Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1995); Steven A. McKinion, *Words, Imagery, and the Mystery of Christ* (Leiden: Brill, 2000).

⁷⁷ Третье Послание Кирилла цитируется по Stevenson, *Creeeds, Councils and Controversies*, 284.

⁷⁸ О поддельном тексте см. Frend, *Rise of the Monophysite Movement*, 121.

⁷⁹ Brent, *Ignatius of Antioch*; Susan Ashbrook Harvey, «Syria and Mesopotamia», in Mitchell and Young, *Cambridge History of Christianity*, 331–350.

их для своих целей. В то же время они продолжали вести диалог с многочисленными местными иудеями. К IV веку Антиохия радикальным образом отличалась от Александрии в своем подходе к чтению и толкованию Писания. Чем больше читатель видит в Евангелиях исторический текст, чем больше стремится поставить отрывки в их контекст, тем ярче перед ним открывается образ человека Иисуса. Поэтому антиохийцы склонялись к христологии Слова-человека⁸⁰.

Чем больше читатель видит в Евангелиях исторический текст, чем больше **стремится поставить отрывки в их контекст**, тем ярче перед ним открывается **образ человека Иисуса**

Эти факторы определили позицию Антиохии в спорах, последовавших за Никейским собором. Основателем великой богословской традиции здесь был Диодор из Тарса – родного города Павла. Он привлек к себе внимание всей церкви как ведущий противник Аполлинария, причем в спорах с оппонентом Диодор сформулировал идею двух природ, соответствующую его позиции.

Самым значимым преемником Диодора был Феодор Мопсуестийский (350–428), придерживавшийся спорных взглядов по многим вопросам. Подобно Диодору, он был универсалистом, то есть верил в то, что в итоге все будут спасены, а потому никто не обречен на вечные муки⁸¹. Что же касается природ Христа, Феодор считал, что человеческое и божественное соединились в одном *prosopon*, лице, но это было нечто вроде союза тела и души или союза мужчины и женщины: несмотря на единство, обе части сохраняют свои отличия. Присутствие Логоса во Христе подобно присутствию благодати в обычном человеке. Хотя присутствие Логоса во Христе не подлежит сомнению, оно не разрушало свободную волю. Союз между двумя природами укреплялся по мере того, как рос и созревал человек. Для Феодора был крайне важен человеческий компонент, и потому он открыто утверждал, что Христос был подвержен искушениям и страданию. Задолго до Нестория он критиковал обычай называть Марию *Theotokos*, поскольку этот термин предполагал недолжное смешение божественной и человеческой природ⁸².

Антиохийские христиане твердо держались тех идей, что сформулировали Диодор и Феодор, даже когда эти идеи осуждались на соборах. И когда все клеймили Нестория, многие антиохийцы не спешили произносить положенные ритуальные проклятия. Вплоть до V века Феодорит Кирский хранил живую память об антиохийских версиях христологии двух природ. Хотя он признавал союз божественного и человеческого, он продолжал считать, что две эти природы существовали и после воплощения. Христос имел одно *prosopon*, но в этом едином лице продолжали существовать две природы.

Не способные достичь согласия или мирно оставаться при своих мнениях, **две великие церкви Антиохии** и Александрии продолжали в течение многих **десятилетий вести войну на изнурение**, пытаясь устранить **дурные представления** противника

⁸⁰ Frances M. Young, *From Nicaea to Chalcedon* (Philadelphia: Fortress, 1983); Robert C. Hill, *Reading the Old Testament in Antioch* (Leiden: Brill, 2005); Raffaella Cribiore, *The School of Libanius in Late Antique Antioch* (Princeton: Princeton Univ. Press, 2007); Isabella Sandwell, *Religious Identity in Late Antiquity* (New York: Cambridge Univ. Press, 2007).

⁸¹ Frederick G. McLeod, *The Image of God in the Antiochene Tradition* (Washington, DC: Catholic Univ. of America Press, 1999); Robert C. Hill, *Diodore of Tarsus: Commentary on Psalms 1–51* (Leiden: Brill, 2005); Clayton, *Christology of Theodoret*, 53–74.

⁸² Theresa Urbainczyk, *Theodoret of Cyrrhus* (Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2002); Frederick G. McLeod, *The Roles of Christ's Humanity in Salvation* (Washington, DC: Catholic Univ. of America Press, 2005); István Pásztori-Kupán, *Theodoret of Cyrus* (New York: Routledge, 2006).

Неспособные достичь согласия или мирно оставаться при своих мнениях, две великие церкви Антиохии и Александрии продолжали в течение многих десятилетий вести войну на изнурение, пытаясь устранить дурные представления противника. Если мы вспомним о том, что Несторий был тесно связан с Антиохией – считают, что он общался с Феодором незадолго до того, как стал епископом Константинополя, – мы поймем, почему все противники антиохийцев относились к нему столь недоброжелательно. Несторий лишился власти, его имя было заклеено позором на все времена, но враги антиохийцев продолжали бороться с идеями представителей этой школы даже после их смерти. Хотя Диодор умер в 390 году, собор объявил его христологические взгляды ересью лишь столетие спустя, в 499 году. А в 550-х годах Пятый Вселенский собор собрался, чтобы осудить Феодора Мопсуестийского (умершего в 428 году) вместе с его антиохийскими единомышленниками. Это походило не столько на богословские споры, сколько на кровную месть, растянувшуюся на несколько поколений⁸³.

Лозунги и стереотипы

В спорах, разгоревшихся вокруг природы Христа, участники использовали специальную терминологию с тонкими смысловыми нюансами. Понимали ли простые люди на улицах или в селениях, чем *ousia* отличается от *hypostasis* или как использование этих терминов отражается на жизни церкви? Имели ли толпы, сражавшиеся за монофизитов или несториан, хоть малейшее представление о том, что именно они отстаивают с богословской точки зрения? Некоторые авторы предполагают, что люди это понимали. В 380-х годах Григорий Нисский был изумлен тем, что каждый константинопольский торговец принимал участие в богословских спорах:

Весь город был наполнен подобными разговорами: улицы, рынки, площади, перекрестки. Об этом говорили торговцы платьем, денежные менялы, продавцы съестных припасов. Ты спросишь у менялы о курсе, а он ответит тебе диссертацией о Рожденном и Нерожденном. Хочешь узнать качество и стоимость хлеба, а тебе отвечают: «Отец больше Сына, Сын подчинен Отцу». Справишься, готова ли вода в бане, а в ответ услышишь: «Сын произошел из не сущих»⁸⁴.

В V веке на улицах тоже обсуждали богословские вопросы, только теперь не о Троице, но о христологии.

Люди усвоили лозунги, но действительно ли они их понимали? На самом деле у нас есть все основания думать, что не только обычные верующие, но и многие церковные вожди не могли разобраться в этих богословских тонкостях. И их участие в спорах преподает нам некий печальный урок о подобных спорах в других религиях и в другие исторические периоды, включая наш собственный.

Историк Рамсей Мак-Мюллен справедливо отмечает, что богословским текстам той эпохи нередко свойственны «сложность мысли, причудливый словарь, растянутые доказательства, избыток оговорок и особых условий». Возьмем практически случайно выбранный пример – отрывок из Третьего Послания Кирилла Александрийского Несторию, критически важного документа в тех спорах, что повлекли за собой созыв Первого Эфесского собора:

Что касается изречений нашего Спасителя, заключающихся в Евангелиях, то мы не относим их отдельно ни к двум *hypostases*, ни к двум

⁸³ Friend, *Rise of Christianity*.

⁸⁴ Richard Lim, *Public Disputation, Power and Social Order in Late Antiquity* (Berkeley: Univ. of California Press, 1995), 149.

лицам. Ибо един и единый только Христос, хотя и признается соединенным в нераздельное единство из двух (*ek duo*), и притом различных природ, не таков; подобно как и человек признается состоящим из души и тела, однако же не двойным, но единым из той и другого... Итак, все заключающиеся в Евангелиях изречения должно относить к единому лицу, к единой ипостаси воплощенного Слова.

Это насыщенный текст и в переводе, который верно передает сложности строения греческого оригинала. И это отнюдь не самый крайний пример такого рода из возможных. Этот текст подобен минному полю для тогдашних читателей, которым нужно было стараться различать слова, обладающие близкими смыслами. В городах люди воевали за одну-единственную букву: единосущен Христос Отцу или только подобен существом, *homoousios* или *homoiousios*? Был он из двух природ (*ek duo*) или в двух природах (*en duo*)?⁸⁵

В городах люди воевали за одну-единственную букву: единосущен Христос **Отцу или только подобен существом**, *homoousios* или *homoiousios*? Был он из двух природ (*ek duo*) или в двух **природах** (*en duo*)?

Такой язык озадачивает большинство современных читателей, включая многих образованных христиан. Здесь используется так много специальных терминов, что он кажется непосвященному зашифрованным сообщением. Лицо? Ипостась? Природа? Правомерно сравнить прямые слова Иисуса, использовавшего повседневные примеры и образы – такие, как овцы и жатва, воробьи и полевые лилии, согрешивший брат и лепта вдовицы – с эзотерическим философским языком этих богословов. Иисус говорил о любви; его церковь говорила загадками. Возможно, сегодня не мне одному язык Халкидона – две, но не один – напоминает о фильме «Монти Пайтон и Священный Грааль». Здесь монах дает инструкции по использованию Священной Антиохийской Гранаты, и в его словах звучит пародия на Афанасьевский Символ веры:

Во-первых, надлежит вытащить Священную Чеку, после сего следует досчитать до трех, не более того и того не менее. Три есть цифра, которую надлежит отсчитать, и надлежит тебе отсчитать до трех. Не следует тебе считать до четырех, ниже до двух, разве что от двух ты перейдешь к трем. Пять исключается.

Конечно, сложность древней христологии не означает, что богословы просто играли в словесные игры. Тогдашние мыслители пытались объяснить и сформулировать сложные и смелые идеи со всей возможной точностью, избегая любой неоднозначности, и результатом их деятельности могли стать лаконичные и яркие формулировки. Но их писания могли понимать лишь такие люди, как Кирилл, то есть они были недоступны большинству современников.

Хуже того, эти термины слишком быстро меняли свой смысл. Современный читатель может смущаться из-за того, что не понимает значения слова «ипостась», которое постоянно звучало в спорах V века, однако за сто лет до того это важнейшее слово не имело того значения, какое оно приобрело во времена Кирилла. В религиозных баталиях 320-х годов некоторые самые просвещенные мужи использовали слово *ousia* (существо) как синоним *hypostasis*. Сто лет спустя подобное смешение могло бы как минимум породить схватку между клириками или даже стать причиной официального преследования, по крайней мере в некоторых частях мира: латинский Запад был куда менее чувствителен к этим смысло-

⁸⁵ MacMullen, *Voting About God*, 28–29. Послания Кирилла см. Percival, «Seven Ecumenical Councils», in Schaff and Wace, *Fathers of the Christian Church*, 9:201–205: данная цитата со с.204.

вым нюансам. Сам Блаженный Августин уверял, что не видит реального отличия *ousia* от *hypostasis*⁸⁶.

По ходу развития богословских сражений их участники создавали новые термины или придавали иной смысл старым для решения насущных задач, и это должно было еще больше запутать непосвященных. Если использовать аналогию из нынешней жизни, тогдашние богословы развивали свой язык подобно культурологам или литературоведам постмодернистского направления последних десятилетий, которые постоянно придумывают новые непонятные слова, такие, как *инаковость* и *внутрипромежуточность*, *фаллоκρατία* и *скопфилия*. Озадаченные наблюдатели готовы посмеяться над языком постмодернизма, особенно когда ученые придумывают или переделывают термины для собственных загадочных целей, но этот процесс напоминает то, что делали величайшие отцы церкви в эпоху христологических споров.

Как современные неспециалисты находят эти термины темными, так и многие участники религиозных войн V века в лучшем случае имели весьма приблизительное представление о предметах споров. Это необходимо подчеркнуть, поскольку в противном случае мы подумаем, что христиане той эпохи обладали таким запредельным интеллектом или знанием философии, что они стояли на несколько порядков выше позднейших поколений. Нам не стоит быть такими пессимистами. Некоторые бойцы V века действительно обладали блестящим умом и прекрасно понимали значение того, за что они стояли, для жизни и вероучения церкви. Однако самые великие герои обеих сторон, как мы видим, нередко оказывались не на высоте. Даже дружелюбно настроенные критики считают, что Несторий не имел ни малейшего представления о том, в какое богословское болото он погружается, вступив в христологические споры, а его позднейшие труды ясно показывают, что он просто не был «несторианцем» в общепринятом смысле этого слова. Куда более глубоким мыслителем был папа Лев Великий, чей Томос сделал его полководцем Халкидона. Однако современные ученые полагают, что в момент Халкидонского собора он плохо понимал, за что стоит Несторий, и только через несколько лет действительно постиг суть тогдашних споров⁸⁷.

Люди древности решительно не могли согласиться с тем или иным решением, **потому что они верили, что богословская позиция влечет за собой конкретные последствия для церкви и государства. Если государство приняло неправильную версию христианства, оно будет наказано вторжением врагов, эпидемией чумы или голодом**

Если даже епископы Рима и Константинополя могли ошибаться, что же говорить о рядовых клириках и тем более простых верующих? Как они могли оценить достоинства той или иной точки зрения? И невозможно себе представить, чтобы все эти споры завершились потому, что в итоге все бы согласилось с безусловно правильным ответом, найденным церковью. Богословие никогда не было наукой в том смысле, чтобы формировать устойчивые гипотезы. Люди древности решительно не могли согласиться с тем или иным решением, потому что они верили, что богословская позиция влечет за собой конкретные последствия для церкви и государства. Если государство приняло неправильную версию христианства, оно будет наказано вторжением врагов, эпидемией чумы или голодом. Но если мы лишены подобной веры в провидение, мы просто не в силах судить о том, какой богословский подход позволяет лучше понять и выразить словами божественную реальность.

⁸⁶ Edward Pace, «Hypostatic Union», *Catholic Encyclopedia* (1910), vol.7, at <http://www.newadvent.org/cathen/07610b.htm>. Stevenson, *Credo, Councils and Controversies*, 36.

⁸⁷ Green, *Soteriology of Leo the Great*; Susan Wessel, *Leo the Great and the Spiritual Rebuilding of a Universal Rome* (Leiden: Brill, 2008), 209–257.

Если же люди не понимали сути споров, как они решали, какую сторону нужно поддерживать или на какой стороне они сражаются за Божье дело? Здесь играли важнейшую роль такие факторы, как идентичность и культура. Египтяне (например) следовали знакомой и привычной традиции своей церкви, которую выражали александрийские патриархи. Они не думали о последствиях той или иной богословской позиции, но ориентировались на людей и имена: существовала партия Кирилла или партия Диоскора. Богословские позиции часто выражались простыми фразами или лозунгами, а споры разгорались вокруг специальных терминов. Не будем разделять Христа! Бог Слово умер! Мария – *Theotokos*, носившая в себе Бога! Христос есть Бог! Вероятно, именно на таком уровне булочки и менялы вели свои споры.

Кроме того, участники споров вели себя в высшей степени театрально – в самом буквальном смысле этого слова. Хотя христиане презрительно и боязливо относились к драматическому искусству, они жили в обществе, где театр с его стилями и традициями был привычным явлением, и вели себя соответствующим образом. Епископы, обращаясь к народу, использовали драматическую риторику, а люди им аплодировали или свистели в зависимости от того, что они поддерживали. Не случайно две крупнейшие религиозные группировки, «синие» и «зеленые», действовали точно так же, как соперничающие театральные клики или болельщики в амфитеатре. Церковные споры превратились в дуэль лозунгов, на соборах и синодах спорщики выкрикивали заготовленные фразы или читали их на манер антифонов (как предтечи нынешних рэперов), чтобы заглушить оппонентов. Церковные сражения стали битвой лозунгов, символов и клише, а не сражением с помощью взвешенных интеллектуальных аргументов⁸⁸.

Но если христиане и не вполне ясно понимали богословскую сторону отстаиваемой позиции, они знали, с какой ненавистной ересью страстно борются. Они знали, *против* чего идут. Значительная часть споров того времени проходила таким образом: какой-то набор богословских представлений получал кличку по имени непопулярного деятеля церкви, так что верующие могли сплотиться в борьбе против презренного и бесовского лжеучения. Как только что-то превращалось в такое лжеучение, оно воспринималось как нелепое искажение доктрин церкви, а не как отражение подлинного христианства. Что бы он на самом деле ни говорил, Несторий стал вождем несторианства, богословского направления, которое, как полагали, разделяет природы Христа. Как только складывался такой стереотип, этот ярлык можно было использовать в полемике с любыми богословскими идеями, которые не нравились говорящему.

Так богословские споры стали игрой в обвинения с помощью ярлыков. Когда мы читаем документы того времени, в которых осуждается то или иное учение, нам следует помнить, что каждая группировка стремилась создать карикатуру на мнения своих противников. Когда Халкидон вынес дипломатичные и всесторонне взвешенные богословские выводы, некоторые его критики, вернувшись домой в Палестину, принесли сюда тревожную весть: несториане одержали победу, так что теперь верующим придется поклоняться двум Христам и у них будет два Сына. Разъяренные слушатели подняли кровавое восстание против победившей ереси двух природ, диофизитства. Другие же группы христиан помнили, что Аполлинарий учил о единой природе Христа, и им казалось, что любое богословие, подчеркивающее одну природу, связано с этим еретиком, как бы оно ни отличалось от осужденных в прошлом взглядов. Любое новое учение Х обычно отвергали на том основании, что оно как-то связано с учением Y⁸⁹.

⁸⁸ Cameron, *Circus Factions*; MacMullen, *Voting About God*, 13.

⁸⁹ Patrick T. R. Gray, *The Defense of Chalcedon in the East (451–553)* (Leiden: Brill, 1979), 18; Cornelia B. Horn, *Asceticism and Christological Controversy in Fifth-Century Palestine* (New York: Oxford Univ. Press, 2006); Hagith Sivan, *Palestine in Late Antiquity* (New York: Oxford Univ. Press, 2008).

Если мы понимаем природу войны ярлыков, нам будет легче понять и тенденции развития богословия той эпохи, поскольку все великие движения здесь возникали как реакция – и часто чрезмерная реакция – на какое-то учение предшественников, которое было объявлено ересью. В IV веке ариане проповедовали не полностью божественного Христа, на что отреагировал Аполлинарий, учивший о полном единстве Христа с Отцом. В свою очередь, в полемике с этой идеей Несторий стал говорить о разделении двух природ. Яростное отвержение Нестория усилило веру в преобладание божественной природы во Христе, а это учение многие осуждали как монофизитскую ересь. В каждом случае это была скорее реакция на расхожие стереотипные представления о позиции противника, чем трезвый анализ его представлений.

Нам хочется думать, что все эти споры завершились гармоничным и уравновешенным синтезом, который мы называем ортодоксией и о котором Халкидон оповестил весь мир. Однако для миллионов христиан сам Халкидон стал кошмарным ярлыком, символом насильственного введения ложного антихристианского учения с помощью злых секулярных властителей.

Приложение к главе 2 *Некоторые древние учения о Христе*

а протяжении нескольких первых веков истории христианства различные мыслители пытались объяснить роль Христа и то, как в нем соотносятся человеческая и божественная природы. Кто-то из них склонялся к учению о единой природе, подчеркивая божественность Христа. Другие настаивали на том, что несмотря на божественность Христос всегда оставался человеком: эту позицию можно отнести к учениям о двух природах. Вот некоторые важнейшие движения и мыслители в христологии:

Адопционисты

Учение о двух природах, согласно которому Христос был человеком, наполненным Духом Божиим, но божественные свойства он обрел лишь в какой-то момент во время или после своей земной жизни. Человеческая природа в нем отделена от божественной.

Аполлинарий

Епископ IV века Аполлинарий придавал такое огромное значение божественности Христа, что отрицал в нем наличие разумной человеческой души. По его мнению, Христос обладал одной божественной природой. Первый Константинопольский собор (381) осудил его взгляды как ересь.

Ариане

Ариане отрицали то, что Бог Сын равен Отцу, тем самым отказываясь от веры в Троицу.

Валентин

Египетский мыслитель II века Валентин был представителем классической христологии гностицизма. Он учил, что божественный Христос пришел искупить злой мир, но не обладал истинно человеческой природой, так что его тело было сверхъестественным, а не настоящим телом человека.

Василид

Гностический христианский мыслитель II века, действовавший в Египте. В его сложной мифологической системе Христос пришел освободить силы света от материального мира неведения и зла. Христос был Умом (*nous*) Бога, который сошел на Иисуса в момент крещения.

Гностики

Гностики считали Христа божественным существом, пришедшим искупить верующих от зла и избавить их от скверного материального мира. Подлинная идентичность или природа Христа всегда была божественной, а придя в земной мир, он принял сверхъестественное тело, принципиально отличавшееся от тела человека.

Докеты

Древние представления о том, что Христос был целиком божественным и носил лишь иллюзорный образ, но не обладал реальной человеческой природой. Страдания Христа на кресте были только иллюзией.

Евтихий

Монофизитский мыслитель, действовавший в 440-х годах. Евтихий видел во Христе смешение божественного и человеческого элементов, однако критики считали, что он почти не оставлял места для второго.

Керинф

Гностический христианский мыслитель (около 100 года), который учил, что духовное существо Христос сошло на человека Иисуса в момент его крещения в Иордане; это ранняя (и радикальная) форма христологии двух природ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.